Библиотека «Известий»

ЧЕКИСТЫ О СВОЕМ ТРУДЕ

1965

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

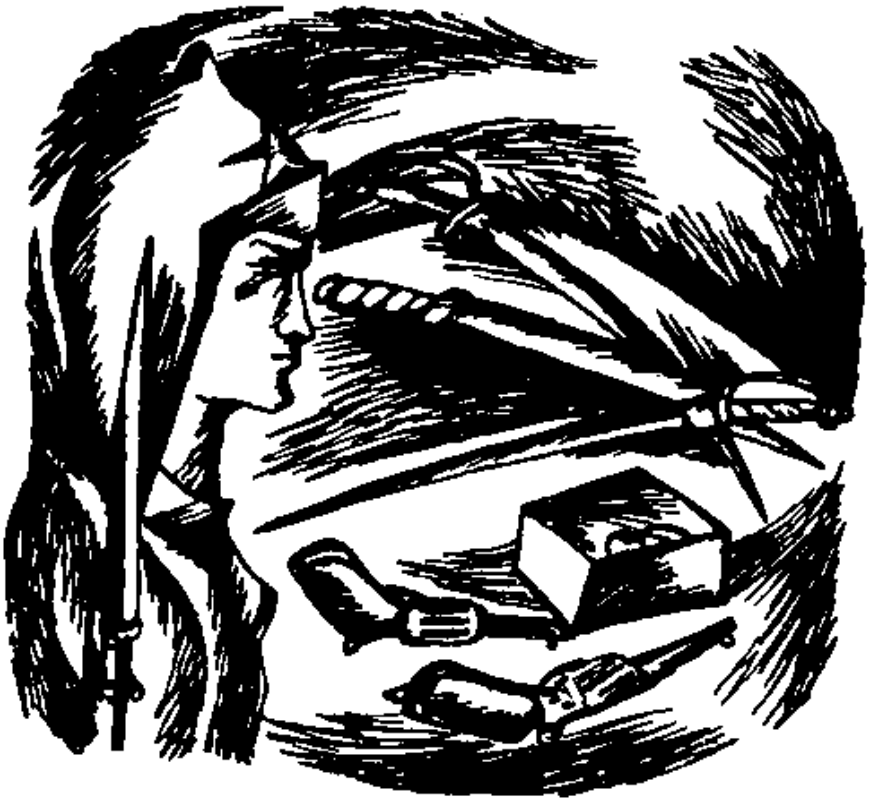
О героической, сложной, напряженной и опасной работе советских чекистов пишут не часто. Сами же о себе они рассказывают еще реже. Между тем славные дела советских чекистов — людей, стоящих на страже нашей государственной безопасности и мирного труда, — заслуживают внимания читателей.

Сборник, который сейчас открываете вы, состоит из очерков и рассказов, которые написали сами работники КГБ… Авторы этих произведений, как правило, были и главными участниками описываемых событий. Можно сказать, что как литераторам им не пришлось ничего выдумывать. Так возникли «Португальское каприччио», «Шипы на дороге», «Розовый жемчуг», «Ночной гость» и другие очерки — несколько беллетризованные, но строго документальные в своей основе.

- Чекисты о своем труде
  - М. МЕДВЕДЕВ
    -
    - Дурная привычка
    - Встреча в ателье
    - «Пять» по тригонометрии
  - А. ИСТОМИН
  - В. ДРОЗДОВ
  - И. ЛЕБЕДЕВ
  - И. ГРИГОРЬЕВ
  - И. ГРИГОРЬЕВ
  - В. БЕЛОЗЕРСКИЙ
  - А. ЛУКИН
  - М. ПРУДНИКОВ, Герой Советского Союза
  - ВО ИМЯ ИСТИНЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Чекисты о своем труде

М. МЕДВЕДЕВ
СТРАНИЦЫ ДНЕЙ СУРОВЫХ



Дурная привычка

До зарезу нужны чистые бланки воинского начальника. Через несколько дней наш товарищ из Комиссии Вятского ревкома перейдет фронт для разведки в колчаковском тылу. Дымная осень 1918 года.

Фронт уже близко. На территории, захваченной Колчаком, объявлена всеобщая мобилизация. Для свободы передвижения нашему отважному разведчику нужно подлинное удостоверение об освобождении от воинской повинности. Малейшая неточность в начертании букв на бланке, в форме печати, орфографическая ошибка на документе — смерть для разведчика.

Размышляю, где же искать архивы воинского присутствия. Делопроизводитель военного комиссариата неожиданно меняет направление моих поисков: оказывается, такие бланки хранились в архиве Вятского губернского жандармского управления (ГЖУ), но где он сейчас? Паренек силится вспомнить, потом говорит:

— Зайдите к товарищу Салтанову, может, он знает? Это, как спуститесь с лестницы, — налево.

На высокой двустворчатой двери аккуратная табличка:

Начальник
формирования и обучения
Красной Армии
при
Вятском уездном Военном комиссариате

За широким столом, углубившись в бумаги, сидит дородный пожилой человек.

— Вы товарищ Салтанов?

Молчание. Беглый взгляд исподлобья в сторону посетителя и — снова в раскрытые дела. Толстые пальцы не спеша переворачивают листы.

Кашляю, чтобы показать, что в комнате кто-то есть. Никакого внимания. Удивленно разглядываю товарища начальника: холеные руки, барская внешность, прямая посадка кадрового офицера. Но офицер при входе посетителя автоматически встает — это вбивалось с детства, — этот же… Седые волосы подстрижены под «бобрик». При Александре III чиновники старались внешне походить на царя и отращивали окладистые бороды. При Николае II они изменили форму бороды и прическу стали делать с хохолком. При А. Ф. Керенском чинуши немедленно остриглись под главковерха — этакая щетинка на

голове, как у поросенка.

Так и не добившись внимания начальника, я сам разыскал архив, нашел бланки, изготовил нужные документы, а странный «товарищ начальник» не выходит из головы. Рассказал своим сотрудникам в ЧК — те тоже в недоумении:

— Неужели ничего не ответил?

— Не верите — сходите сами.

Ребят он встретил так же. Пришли возмущенные:

— Нет, тут что-то не то! Не наш это человек…

Вбегает чекист Хотимский:

— Новость! Я из адресного стола. В городе Вятке ни один Салтанов не прописан.

Дня через два, когда «товарищ начальник» восседал в кабинете, мы отправились к нему на квартиру с обыском. Из-под дивана извлекаем дорогие сабли, в ящиках стола — кинжал, револьверы с золотыми пластинами: «Полковнику Салтану…» Один за другим на зеленое сукно стола ложатся рескрипты и грамоты с личными подписями Николая II о награждении жандармского полковника Салтана орденами святого Станислава, святой Анны, святого Владимира первой степени за подавление революционного движения в Киеве и на Украине в 1905–1906 годах. А вот и приказ о назначении его начальником Вятского губернского жандармского управления.

— Какова птица!

Только закончили обыск, как в дверях появляется седая голова «товарища» Салтанова — начальник формирования Красной Армии изволил прийти обедать. Приглашаем его в комнату, ставим часовых.

— Вы арестованы. Сдайте оружие.

— На каком основании? — багровеет он. — Вы знаете, кто я такой?!

— Знаем, господин начальник Вятского ГЖУ!

Встреча в ателье

В октябре 1918 года привели ко мне в Вятскую ЧК фотографа. Он был взволнован, растрепан, размахивал руками. Он негодовал:

— Что я сделал против Советской власти? Имел собственную фотографию? Ну и что? Она же была лучшей в городе!

— А в Вятском ГЖУ кто снимал?

— Я, лучший фотограф, меня приглашали.

— И в тюрьму Вас тоже приглашали?

— За особую плату, конечно. Там плохие условия съемки…

— Негативы сохранили?

— А как же, товарищ председатель ЧК! Все в наилучшем порядке… Соблаговолите посмотреть?

В своем ателье фотограф вытащил целый ящик стеклянных негативов, оставленных «на всякий случай»: вдруг много лет спустя клиент пожелает увидеть себя молодым. Просматриваем портреты разыскиваемых по России революционеров, вот пошли снимки в тюрьме. Вдруг фотограф оживился:

— Извольте обратить благосклонное внимание: Александр Лбов, гроза Урала. Сам снимал в камере, лично-с…

Негатив замер в моей руке: столько лет я мечтал встретиться с этим человеком, стать рядом с ним в борьбе за справедливость. Это был романтический герой всех игр уральских мальчишек в 1905 году. Кто из нас не убегал в лес, чтобы войти в число его отчаянных молодцов, захватывавших казенную почту, экспроприировавших богатеев, чтобы раздать деньги бедным.

Я отошел к окну и долго смотрел на голые ветви деревьев, на хмурое небо, чтобы никто не видел моего волнения. Поздно мы встретились, дорогой Александр!

Отпечатки изображений Лбова с негативов я сохранил до наших дней. На первом из них он снят сразу после задержания в Нолинске. Затем его обстригли под имевшуюся у жандармов фотографию для опознания. На третьем снимке Лбов снят в рост в камере: арестантская одежда, ручные и ножные кандалы. Даже теперь, когда я гляжу на эти снимки, мне представляется, что так выглядел Емельян Пугачев — такой же простой и смелый русский человек, для которого правда жизни была выше жизненных благ, а чувство справедливости — сильнее страха смерти.

Фотограф поведал неизвестные нам обстоятельства поимки Лбова. Это произошло в 1908 году в городке Нолинске на Урале. Скрывшись от погони, Александр случайно на одной из улиц прошел мимо дома местного исправника. Тот заметил из окна сильно обросшего человека, и бродяга показался ему

подозрительным. Два всадника были посланы вдогонку. Лбов выхватил пистолет — осечка, другая… Урядник грудью лошади сбил его с ног. Связанный и обезоруженный, он был привезен в Вятку, где его в тюрьме опознал провокатор Иван Сыропятов. Повесили Лбова во дворе вятской тюрьмы…

— Кстати, о тюрьме. Чуть было не забыл! — встрепенулся фотограф. — Вот вы тут меня арестовываете, а между тем в Вятке живут припеваючи особы куда более значительные. Знаете, где работает начальник вятской тюрьмы Виноградов? Не знаете? Оч-ч-чень хорошо! Вообразите, в отделе народного образования. Заведует театральной секцией! Каков машкерад?!

Фотограф захихикал, скинул пенсне и плюхнулся в бутафорское кресло.

Нам было не до смеха. Жрец фотографического искусства оказался прав. За несколько дней лучший фотограф города помог нам опознать среди незаметных работников советских учреждений еще двух тюремных палачей (один из них вешал Лбова), нескольких надзирателей, видных монархистов и кадетов, царских офицеров и жандармов. Именно из-за предательства такого сорта «совслужей» за одну ночь пала сильно укрепленная Пермь. Но мы сделали то, чего не успели и не смогли сделать пермские чекисты: город был очищен от белогвардейщины. Теперь обороне не грозил нож в спину. Вятка осталась советской. Враг не прошел.

«Пять» по тригонометрии

После пермской катастрофы штаб Третьей Красной Армии отступил в Вятку. Вскоре после этого к нам в Вятскую ЧК зашла очень прилично одетая дама лет тридцати пяти и робко осведомилась:

— Могу я видеть начальника?

— Вот мы оба и есть начальники…

— Неужели! — недоверчиво тянет она. — Такие молодые, а уже начальники?

— Позвольте, собственно, узнать цель вашего визита? Садитесь, пожалуйста, не стесняйтесь.

Женщина решительно села на стул и затараторила:

— Вот раньше я, признаюсь, боялась вашей ЧК, как черт ладана, и обходила дом за несколько кварталов — в городе ведь всякое говорят… Но сегодня решилась зайти, хотя я домовладелица и богатая, как у вас принято говорить — «буржуйка». Так вот, в моем собственном доме разместилась авточасть вашей Третьей армии и живет начальник авточасти Каргальский. Он бывший царский полковник, и, знаете, — буржуйка даже понизила голос, — человек он *не советский*…

Тут у нас с Володей Гориным от изумления вытянулись шеи. Женщина помяла в руках муфту, перевела дыхание и продолжала:

— Да-да, не удивляйтесь, я знаю, что говорю! Напрасно вы ему доверяете. У него в подчинении царские офицеры, жена буржуя Красовская, жена фабриканта Бокова — известные в Вятке красавицы. Под видом вечеринок они в моем собственном доме устраивают совещания. Прошу меня извинить, но мне кажется, тут какая-то заговорщицкая организация.

Записали мы ее адрес, поблагодарили и попросили, если заметит еще что, приходить на одну частную квартиру, а не в здание ЧК. Ушла. Ходим по комнате из угла в угол, соображаем.

— Что ее привело к нам? Она же буржуйка!

— Что бы ни привело — прежде всего проверим это. Не пускает ли она нас по ложному следу?..

Наша проверка подтвердила, что к Каргальскому действительно заходят подозрительные типы. Как-то днем хозяйка сообщила нам, что с утра в дом приносят пиво, вина, закуски — готовится очередное совещание. Мы уже знали об этом.

В полночь, в разгар вечеринки, чекист Геннадий Почетаев с отрядом красноармейцев окружил дом и с комиссарами вошел в комнату. За ярко освещенным столом, уставленным яствами и

винами, сидело несколько офицеров и женщин. После команды «Руки вверх!» красавицы картинно забились в истерике. Пока комиссары отпаивали их водой, находившийся в другой комнате начальник отдела военных сообщений Третьей Красной Армии Бирон соединился по телефону (провода ребята не догадались перерезать) с председателем Областного Совета Урала Белобородовым и пожаловался: «Ваши чекисты мешают весело отдыхать». Белобородов попросил к телефону старшего, узнав голос Геннадия (они вместе сидели до революции в тюрьме), приказал прекратить обыск и освободить квартиру.

— Как так, ведь у меня же приказ?!

— Говорю тебе, Геннадий, раз там Бирон — обыск можно не производить!

Не известив по телефону коллегию ЧК, Почетаев извинился перед присутствующими и увел красноармейцев.

На следующее утро врывается к нам разъяренная хозяйка.

— Если бы я знала, что вы на обыск пошлете такого растяпу, ничего бы вам не сказала. Слышали бы вы, какой хохот стоял потом в комнате! Насмеявшись до слез, они сжигали в печке бумаги… Эх, вы!

И она выбежала, потрясая муфтой. На коллегии ЧК разобрали операцию, Геннадий каялся и клялся исправить ошибку. Это был явный промах, но тогда мы не могли предположить всю его глубину…

Началось с того, что в колчаковском тылу без вести пропали трое наших разведчиков: бывший директор Мотовилихинского завода близ Перми Грачев, Павел Иванович Смирнов и молодая женщина Андреева с ребенком. Вероятно, мы так ничего и не узнали бы об их судьбе, если б в расположение наших войск не перебежал паренек лет восемнадцати. Он назвался подручным слесаря с завода Каменских в Перми и предъявил красноармейцам зашитое в шапку письмо в Чрезвычайную Комиссию Вятского ревкома.

Парень как парень… старое засаленное пальто, руки и лицо в ржавчине и мазуте. Документы в идеальном порядке. Вскрываем письмо — и с волнением узнаем почерк нашего пропавшего разведчика. Грачев пишет, что всю группу задержала колчаковская контрразведка. Сидит он в пермской тюрьме и о судьбе остальных ничего не знает. Пока его не опознали. Надеется бежать, так как связался из тюрьмы с пермской подпольной большевистской организацией, которая нуждается в опытных руководителях, деньгах и оружии. Просит командировать в Пермь разведчиков, знающих, где в городе зарыто оружие; хорошо, если бы они знали расположение тайных

складов оружия и в Екатеринбурге.

В ревкоме после сличения почерка были в совершенном восторге: наконец-то наладили связь с пермским подпольем. Скорее послать туда оружие, людей, деньги. Но нас, чекистов, многое настораживало в этом письме: и настойчивые просьбы открыть склады оружия, и слишком откровенный тон письма, и то, что такое важное письмо было доверено какому-то подмастерью. Многие из нас еще по недавнему прошлому помнили, как трудно связаться из тюрьмы с подпольной организацией, а тут еще труднее, — мы представляли, что такое колчаковская контрразведка. Чудовищные пытки могли заставить человека написать любое письмо… Что делать? Решили проверить паренька.

На наше счастье, в Вятке были эвакуированные рабочие с завода Каменских. Пригласили мы их в кабинет и беседуем с пареньком: в каком он цехе работал, что изготовлял цех, а кто мастером был, а после революции кого назначили мастером? Подмастерье на все вопросы отвечал бойко. Когда его увели, спрашиваем рабочих из его цеха:

— Ну, как? Правильно отвечал?

— Врал от начала до конца!

Вводим парня снова и продолжаем допрос: какие учебные заведения сейчас открыты в Перми? Чекист Хотимский полюбопытствовал, что нынче проходят в гимназиях и духовных семинариях, до чего дошли по алгебре? Даже задачку вместе решили по тригонометрии. Парень очень обстоятельно все объясняет. Снова уводим его в другую комнату. Спрашиваю у Хотимского его мнение.

— По тригонометрии? «Пять»!

— Не может подручный слесаря знать ни алгебры, ни тригонометрии! — зашумели рабочие с завода Каменских. — Никакой он не подмастерье.

Опять приводим чумазого и ставим вопрос прямо:

— Хватит нам голову морочить, господин гимназист. Говори, кто тебя послал.

— Полковник Никифоров, начальник колчаковской контрразведки.

— Задание?

— Передать письмо. Никифоров мне и письмо дал, и сказал, что говорить…

— Дальше.

— Когда мне поверят и отпустят, явиться к начальнику авточасти Третьей Красном Армии товарищу Каргальскому…

— Еще к кому явки?

— У него же в аппарате работает Бокова и Красовская. От них получить разведовательные данные и незаметно пронести через фронт к полковнику Никифорову. Ваших новых разведчиков его люди будут ждать в местах перехода фронта. Все!

Теперь Геннадий Почетаев смог исправить свой промах. В тот же день колчаковские шпионы были арестованы.

А. ИСТОМИН
НЕВЫНЕСЕННЫЙ ПРИГОВОР

Донесение о срыве боевой операции и разгроме в бою с белогвардейцами кавалерийского полка глубоко поразило командование дивизии. Начдив Медведев считал поражение результатом грубой и, возможно, преднамеренной ошибки Коршуна. Он тяжело шагал из угла в угол, звеня шпорами и теребя жесткими пальцами серебряную рукоять шашки.

— Расстрелять. Расстрелять, как изменника республики и революции! Слышите, Витол, немедленно арестуйте мерзавца — и в трибунал!

Витола не надо было уговаривать. Крутой и горячий, начальник особого отдела дивизии тоже считал, что затягивать следствие незачем. Выйдя от начдива, Витол вызвал парторга особого отдела Сергея Ивановича Минина и меня:

— Сегодня же отправитесь в кавполк. Арестуйте Коршуна. Следствие проведите в течение суток. Вопрос ясен предельно.

Коршун — изменник и контрреволюционер.

Несколько дней назад все мы с радостью встречали кавалерийский полк, давно обещанный командармом. Мимо командования дивизии, вышедшего на площадь принимать прибывшее пополнение, на крепких строевых конях проходили молодцеватые эскадроны, поблескивая новенькой сбруей, пиками, шашками, карабинами, хрустящими седлами из желтой колли. Впереди гарцевал боевой командир, он же военком полка, Дмитрий Коршун — рослый, молодой, красивый, увешанный именным оружием. Своих бойцов он не без самодовольной гордости именовал «моими орлами», от которых «белым гадам в чистом поле будет кисло». О Коршуне мы знали, что он показал себя отчаянным рубакой и недюжинным тактиком на Южном фронте.

Кавполк придали пехотной бригаде Александра Петровича Бронникова — кадрового офицера старой армии, в октябрьские дни он перешел к красным. Бригаде Бронникова поручили провести на правом фланге важную операцию, которая сломила бы сопротивление белогвардейцев на нашем участке фронта.

Все надеялись, что наступит давно ожидаемый перелом и дивизия погонит врага на запад. И вот результат. Арестовать… расстрелять… Мы, видавшие виды чекисты, были прямо-таки ошеломлены. Не хотелось верить, что этот хорошо подготовленный к боевым действиям полк разбит и его командир должен быть расстрелян.

Наши раздумья прервал властный голос Витола:

— Так поняли? На следствие даю сутки.

— Как же так, товарищ начальник, — тихо и мрачно сказал Минин. — Расстрелять — и баста? Коршун большевик, военком и командир полка. Надо разобраться во всем. Может быть, он и не так уж виноват.

Витол не терпел возражений.

— Уже разобрались! — почти крикнул он. — Расстрел изменника поднимет боевой дух в дивизии, покажет, что предателя мы не щадим, кем бы он ни был. Так говорит и Медведев, и я с ним согласен.

— А если хотите знать мое мнение, — сказал я, — то весьма сомневаюсь в виновности Коршуна.

— Докажите, — сухо сказал наш начальник и приказал приступать к делу.

Единственно, в чем нам удалось убедить Витола, это в нецелесообразности арестовывать Коршуна на глазах его кавалеристов. Мы послали к нему нашего сотрудника Вольского с предложением прибыть в особый отдел.

…Под окном застучали копыта. Широко распахнулась дверь, звена шпорами и гремя шашками, вошли Коршун и двое его конников.

— По вашему вызову Коршун прибыл, — сказал он, остановившись у дверей. — Я ждал вызова… он не был для меня неожиданным.

Красивое лицо Коршуна потемнело, глаза потускнели, глубокая морщина прорезала высокий лоб. Но держался он прямо, с достоинством и твердостью. За спиной командира в напряженном ожидании застыли прибывшие с ним кавалеристы.

— Вам пока придется остаться здесь, — мягко сказал я.

— Слушаюсь, — ответил он четко и сказал бойцам, чтобы они возвращались в полк.

— По распоряжению командования дивизии вы подвергаетесь аресту для производства следствия по вашему делу, — объявил я, предъявляя ордер на арест. — Снимите оружие.

Он покорно снял шашку, поцеловал ее, отцепил револьвер с дарственной надписью, положил на стол полевую сумку, бинокль. Лицо его словно окаменело.

Мне не раз приходилось обезоруживать преступников, и я всегда при этом чувствовал, что мои действия правильны и необходимы. На этот раз у меня такого ощущения не было.

Указывая на свою полевую сумку, Коршун сказал:

— Здесь документы и карты операции. Посмотрите их внимательно, и тогда вам станет ясно все дело и моя вина. Беда в том, что меня не пожелали выслушать…

С тяжелым чувством мы с Мининым приступили к следствию. Разложив на столе оперативный приказ, карту-трехверстку и другие бумаги, Коршун стал по порядку излагать ход боевых действий. Чем больше говорил Коршун, тем яснее становилась картина боя.

Александр Петрович Бронников был опытным командиром, закаленным во многих боях, спокойным, выдержанным. Командование дивизии весьма ценило его. Поэтому ему и было поручено проведение важной операции на правом фланге участка.

Вечером Бронников и Коршун работали над планом операции.

— Глянь, Александр Петрович, карта-то у нас весьма и весьма того, старорежимная, — сказал Коршун, подчеркивая ногтем дату выпуска карты местности, 1900 год. — За два десятка лет она и постареть могла. Чего-то к этой дореволюционной географии доверия не питаю. Полезешь галопом в поле, а там лес стоит…

— А вы, Митя, на карту надейтесь, а сами не плошайте, — Бронников пыхнул тяжелой трубкой, про которую в дивизии

говорили, будто Александр Петрович в бою использует ее для дымовой завесы. — Пошлите своих кавалеров на местность, пусть проверят, лес там или поле.

Коршун, выслав, как было указано, вперед конную разведку, двинул полк вперехват правого фланга белых с целью прорваться к ним в тыл. Не отрывая бинокля, он пристально всматривался в ясные очертания местности, ожидая возвращения разведки. Приближалось условленное время для атаки противника, но разведка не возвращалась. «Неужели попались, обнаружили себя?» — с досадой и тревогой думал Коршун. Боясь упустить время, он ринулся с кавполком на противника.

«Местность, по которой скакали кавалеристы, была вначале ровная, открытая, и они беспрепятственно приближались к цели. Вдруг навстречу вылетел разведчик, осадил коня перед Коршуном:

— Противник нас обнаружил! Двое убиты, впереди болото и засада белых с пулеметами… Полк необходимо немедленно повернуть влево, в обход болота!

Коршун дал шашкой команду полку повернуть влево, но было уже поздно…

Лошади стали вязнуть в болоте, которого не было на карте. Противник из засады открыл пулеметный огонь.

Коршун сохранял спокойствие и твердость. Он вывел полк из болота и зоны обстрела. Но это были уже остатки полка. Оказалось много раненых, убитых меньше. Главные потери были в лошадях.

Пехота Бронникова, не получив, как было намечено, подкрепления, прекратила бой и отступила на исходные позиции. Операция была сорвана».

Рассказав все это, Коршун взволнованно закончил:

— Я не снимаю с себя вины. Многое я не предусмотрел. Но я не изменник, дайте мне возможность кровью врагов революции смыть этот позор.

Мы с Мининым внимательно слушали и всем сердцем чувствовали правильность слов Коршуна. В них не было фальши и недомолвок.

— Скажите, Дмитрий Павлович, где тот разведчик, который предупредил вас, что впереди засада и болото?

— Сизов? Он в полку. Это помкомвзвода 1-го эскадрона.

Я спросил Коршуна, не желает ли он, чтобы кого-либо допросили по делу.

Он слабо улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Действуйте по вашему усмотрению. Я был на виду у всего полка.

— Хорошо было бы выехать на место боя, чтобы все увидеть своими глазами, — предложил Минин.

— К сожалению, это невозможно, — печально сказал Коршун, — там сейчас белые.

— Были ли у вас в прошлом подобные случаи при выполнении боевых заданий? — спросил я.

— Нет! Никогда подобного не случалось.

Минин закончил протокол допроса и дал его подписать обвиняемому. Несмотря на сложную боевую обстановку, мы решили допросить главного свидетеля — комбрига Александра Бронникова. Он мог дать свое заключение о степени виновности Коршуна и добавить важные детали по делу. А я решил допросить разведчика Николая Сизова, за которым послал в полк нарочного.

Минин собирался уже уезжать, когда на столе загудел зуммер. Звонил Витол, находившийся в штабе дивизии. Он интересовался ходом следствия.

Оставшись недовольным моим ответом, он кричал в трубку:

— Зря канителитесь! Вопрос совершенно ясен. Мнение командования дивизии известно, мое тоже. Разве вам этого мало? Факт неслыханного разгрома кавполка на лицо. Коршун своей жизнью должен за это ответить.

Минин, присутствовавший при разговоре, ударил кулаком по столу:

— Совесть-то партийная где у него осталась?!

— Будем делать по-нашему, Сергей Иванович, — сказал я, — заканчивать следствие по справедливости. Поезжайте к Бронникову.

— Хорошо, — сказал, немного успокоившись, Минин, — я по пути заеду к начальнику политотдела Смелову, доложу о ходе следствия и расскажу о давлении на нас со стороны Витола.

Зная необузданный прав Витола, я понимал, что в стремлении выполнить свое намерение он мог пойти на крайние меры. Командование его поддержит.

Мои раздумья прервал звон шпор.

— По вашему приказанию помощник комвзвода 1-го эскадрона кавполка Николай Сизов прибыл! — отрапортовал вошедший.

Он слово в слово подтвердил показания Коршуна. Я дал подписать ему протокол.

— Можете быть свободны.

Он встал, вытянулся, но не уходил.

— Вы хотите еще что-то сказать? Не стесняйтесь.

— Разрешите сказать, товарищ следователь! Полк просит, и я также от своего личного имени прошу: не судите строго нашего

командира. Оплошность, конечно, большая, да и разведка подвела. Товарищей моих судить не приходится, они там, в болоте, и остались. А я готов к ответу… Но Дмитрий Палыч старался, он душу отдаст за доблестную победу. Если бы не он, все бы мы там легли. Верните нам товарища Коршуна. Поплачут еще белые от его крепкой руки!..

Он попрощался и быстро вышел.

Над всем этим стоило задуматься. Красноармейцы хлопотали за своего командира. Значит, они верили ему.

Вскоре в комнату ворвался Минин, размахивая полевой сумкой:

— Жарко у Бронникова! У него идет бой. Он был рад, что мы обратились к нему, и полностью подтвердил показания Коршуна. Никаких претензий к его действиям у Бронникова нет. Подвели Коршуна карта и войсковая разведка. Коршун сделал все, чтобы спасти полк.

Минин положил протокол показаний Бронникова передо мной.

— И еще я к Смелову в политотдел завернул. Витол, оказывается, уже и там побывал. Так дело представил, будто Коршун все чуть ли не умышленно подстроил. И, мол, обстановка на фронте требует одного: расстрелять Коршуна перед строем. Ну, я там тоже слегка погорячился. Но Смелов выслушал. Велел представить ему материал следствия и наше заключение.

— Минуя Витола? — спросил я.

— Ага, — торжествующе ответил Минин.

— Постой, Сергей Иванович, погоди. Витол нам перцу подсыплет, если его обойдем. Он это в заговор превратит.

— А ты не бойся, — сердито заметил Минин, — Я секретарь парторганизации особдива и обо всем обязан докладывать начальнику политотдела.

Я показал Минину протокол допроса Сизова и рассказал о просьбе красноармейцев полка. Он бросился к телефону, соединился со Смеловым и подробно сообщил ему об этом.

— Как будто лед тронулся немного, — сказал Сергей Иванович, окончив разговор и положив трубку на место. — Просьба красноармейцев произвела на него сильное впечатление.

И все-таки мы ждали бури от Витола. Он подъехал верхом к дому особдива, вошел в комнату, сел, закурил и спокойно сказал:

— Знаю, вы допросили Бронникова. Правильно, его не надо было обходить. Все по закону. Ну, а заключение написали? Собираетесь? А какое?

Мы с Мининым переглянулись. Он смотрел уверенно, чуть прищурившись, как бы говоря: «Не сдавайся, парень, наша

правда».

— Строгое административное взыскание и вернуть в полк для выправления создавшегося положения, — твердо ответил я, выдержав тяжелый взгляд начособдива.

Витол побледнел, глаза его засверкали яростью, но, сдержавшись, он повернулся к Минину:

— А вы?

— То же, что Истомин, — ответил Сергей Иванович.

— Ах так! — закричал Витол, вскакивая со своего места. — Вот как вы помогаете громить беляков? Изменника, погубившего кавполк, вы предлагаете погладить по головке.

Он забегал по комнате, сердито размахивая руками.

— Получилось то, товарищ Витол, что мнение наше разошлось с вашим мнением. Мы не считаем возможным понапрасну и незаслуженно лишать жизни человека, коммуниста.

— Вот как вы заговорили со мной! Ну что ж, посмотрим, как вы заговорите тогда, когда придется сурово ответить за покровительство изменнику и предателю. — Он схватил лежавшее на столе дело, беспорядочно втиснул его в полевую сумку и, хлопнув дверью, исчез.

Загудел зуммер. Я схватил трубку и услышал голос председателя ревтрибунала дивизии Гарина:

«Истомин, здравствуй! Почему не присылаешь дело Коршуна? Где арестованный? Необходимо сегодня же судить его по приказанию начдива. Долго возитесь».

— Дело не у меня. Витол его забрал.

— Не задерживайте суд, не будьте волокитчиками, — сердился Гарин.

И снова загудел зуммер.

— Вздохнуть не дадут, — сказал Минин, поднимая трубку.

Звонил Смелов:

— Слушай; Минин, берите дело Коршуна и с Истоминым ко мне. К нам приехал начальник особого отдела армии Дукельский…

Все армейские чекисты любили Дукельского — отважного и справедливого, беспощадного к врагам. Дукельский впоследствии погиб в бою под городом Лида.

— Вот это подарок! — воскликнул Минин, просияв. — Едем!

Смелов открыл заседание, предоставив слово Дукельскому. Усталый, но подтянутый начальник особарма поднялся и, проведя пальцем по коротким, подстриженным усам, обратился к собравшимся:

— По приказу Владимира Ильича к нам в армию прибыли две дивизии из Сибири и с Южного фронта. Они с марша вступили в

бой с белогвардейцами, прорвали фронт. Враг отступает, армия преследует его по пятам.

Громкое «ура» было ответом на эту весть.

— Теперь, — продолжал Дукельский, — перейду к случаю, который произошел у вас.

При этих словах водворилась напряженная тишина.

— В армии известно, — продолжал Дукельский, — что дивизия тяжело переживает этот печальный факт. Кое-кто пытается сгоряча, иначе мы не можем этого оценить, приписать Коршуну вину, которой он не заслуживает. Я беседовал с начособдива Витолом. Он вообще не доверяет Коршуну, обвиняет его в измене. Витол не доверяет и своим помощникам — Истомину и Минину, не верит Бронникову. Он верит только себе, своей интуиции и на этом основании идет против данных следствия. Этого допустить нельзя. Это будет вопиющим безобразием. Начдив и военком признали, что они погорячились, что же касается Витола, то он твердо стоит на своем. Больше того, он стремится без оснований обвинить Истомина и Минина в покровительстве «предателю» Коршуну. Хотя Витол старый коммунист, но он, видно, растерял свой политический багаж, а потому придется его отозвать в распоряжение армии и отправить на курсы: пусть научится ценить людей и доверять им.

Начальником особдива назначаю Истомина, а его помощником — Минина. Предлагаю Витолу в 24 часа сдать дела Истомину. Передаю приказ командарма и поарма: товарищу Коршуну объявить строгий выговор, из-под стражи освободить, вернуть на прежнюю должность. Полк срочно привести в боевую готовность.

Суровые лица командиров и политработников посветлели. Начдив и военком сидели с непроницаемыми лицами, а у Витола был недоумевающий, растерянный вид. Урок этот до него еще не дошел.

В следующий раз мы видели Коршуна, когда его полк взял с налета город Докшицы. Кавалерийская бригада белогвардейцев, встретившаяся на пути его орлов, перестала существовать. Дмитрию Павловичу вручили орден Красного Знамени, его назначили командиром кавалерийской группы. Мы видели его, как всегда, подтянутого и озорного, впереди лихих кавалеристов, готовых ринуться в бой по приказу любимого командира.

Нас не обмануло партийное чутье. Партия, как и всегда, восстановила честное имя преданного коммуниста.

И теперь, когда чекисты вспоминают историю Коршуна, ими овладевает чувство выполненного долга. Это чувство борьбы за советского человека умножает их силы в благородном деле

разоблачения действительных коварных врагов.

В. ДРОЗДОВ
НОЧНОЙ ГОСТЬ

Они сидели в уютной комнате с опущенными шторами — сухопарый элегантный джентльмен в светло-зеленом френче и крагах и полный, с багровым отекшим лицом полковник врангелевской армии.

— Советы заключили мир с Польшей, — промолвил джентльмен, попыхивая сигарой. — Теперь они сосредоточат все силы против вас. Мы высоко ценим качества барона, вашего главнокомандующего, и патриотизм его офицеров. Но если оставить красивые фразы о непобедимости русского дворянства юным прапорщикам, то станет ясно, что Северную Таврию удержать невозможно. А поэтому… необходимо продолжить борьбу с большевиками, но иными средствами.

На секретном совещании один из представителей английской военной миссии в Крыму и начальник контрразведки первой армии генерала Кутепова вели разговор уже о практических

шагах по созданию контрреволюционного подполья. Основное — выбрать человека, который сумел бы возглавить подпольный центр.

— Пожалуй, самый подходящий человек, — сказал начальник контрразведки, — господин Туренко. Два его брата служат в нашей армии. Он ненавидит красных, и на него можно вполне положиться.

— Главное, — продолжал полковник, — Туренко состоятельный хозяин, у него паровая мельница, свыше пятисот десятин земли. В помощь ему предлагаю господина Пришляка. Это богатый домовладелец, неплохой контрразведчик, беспощадный в расправе с красными. Оба они будут хорошими организаторами подполья.

…Октябрьской ночью солдаты Кутепова выкопали могилу на кладбище неподалеку от хутора Туренко. Выкопали и ушли. Вскоре к этой яме подошла подвода. Рослый широкоплечий Пришляк и приземистый Туренко с сыном сняли с подводы ящики и зарыли их в могилу. На холмике водрузили наспех сколоченный крест. Так было спрятано оружие, предназначенное для участников будущего восстания против Советской власти.

А через несколько дней, выбив врангелевцев из Северной Таврии, части Красной Армии ринулись на штурм Перекопа.

Туренко и Пришляку требовалось создать организацию, законспирировать ее и готовиться к активной борьбе, связываясь с помощью курьеров по паролям. Невидимый фронт готовил удар в спину молодой республике.

Прошли годы. В Приднепровский окружной отдел ГПУ пришло письмо в конверте из обложки старой тетради, склеенном вишневым клеем:

«На нашем поселке Ново-Лозоватка идут интересные дела. Кулаки, у яких отняли землю, тайно собираются ночами, а один недавно приїхав з Крыму і говорить мені, щоб я з ним пішов против Советской власти і поступив до іх партії. Словом, треба приїхать до нас, все расскажу по порядку, тільки щоб нікто не знав. Комсомолець Пшеничный Павло, 12 вересня 1928 року».

— Срочно отправляйтесь в Ново-Лозоватку, — сказал мне начальник окружного отдела ГПУ. — Сигнал интересный и, видимо, серьезный.

Секретарь Береговского райкома партии Бойченко знал в лицо и по фамилии всех сельских активистов. Встретившись со мной, он сказал:

— Советую поехать в Ново-Лозоватку, там председателем комитета бедноты Донец. Толковый человек, он все расскажет.

К вечеру следующего дня я на тачанке добрался до Ново-

Лозоватки.

— Кого привез? — спрашивали крестьяне кучера.

— А шут его знает, — ворчал хитрый Петрович. — Який-то инспектор, чи по налогам, чи по земельным справам.

Долго мы толковали с Донцом. Он рассказал, что ни одна хозяйственно-политическая кампания не обходится без яростного сопротивления кулаков. Особенно старается Яков Конопля, бывший белогвардейский староста.

Кулаки во главе с ним пробрались в правление селянского товарищества взаимопомощи и развалили его работу.

Ночью состоялась встреча с Пшеничным. Молодой парень, русый, курносый, горячий, говорил… Племянник Якова Конопли, Владимир, собирает вокруг себя молодежь, устраивает вечеринки, там читает свои антисоветские стихи.

— А у меня дядько был у Петлюры! Конопля своим посчитал, деньжат предлагает, в организацию тянет.

— Где же он оружие достанет? — спросил я.

— Есть, говорит, винтовки, гранаты, пулеметы. Были бы, говорит, хлопцы вроде тебя… Советы полетят скоро!..

Пшеничный узнал, что ночами к Конопле приезжают неизвестны лица, что сам Яков частенько наведывается к другим хуторянам.

— Спасибо, Павло, — сказал я, пожимая ему руку на прощание. — Держи ухо востро.

— Вы за меня не беспокоитесь, наше дело комсомольское. Они думают: можно купить каждого…

Поездка в Береговое дополняла материалы окружного отдела ГПУ, но ответа на вопрос, чья рука направляет деятельность кулаков, еще не давала. Но вот в комендатуру морского погранотряда прибежал рыбак из Ново-Песчанки. «У нас в селе, — сказал он, — появился подозрительный человек. Его привезли шаландой, но похоже, что он прибыл из-за кордона». Пограничники с помощью рыбака задержали этого человека. Много времени прошло, пока его опознали. Это был Голубович, родственник береговского кулака, белогвардеец, эмигрировавший за границу после разгрома врангелевцев.

Он долго изворачивался, но под давлением улик сознался, что послан для связи с подпольем и должен получить от него отчет о готовности контрреволюционной организации к вооруженному выступлению. Голубович назвал пароли и адреса руководителей организации.

В руках чекистов оказалась нить, с помощью которой можно было распутать антисоветский клубок. Только как лучше это сделать?

…Дождь хлестал яростно. В кромешной тьме к дому Пришляка подошли двое. Постучали в окно. Дверь открыл хозяин.

— Принимай гостя, — сказал тот, что стучал в окно, — а я пошел до дому.

Гость вошел в горницу и, пристально глядя в глаза хозяину, сказал негромко:

— Привет вам с хутора Самсоновского передавали…

— Давно оттуда?

— Был там, когда родственника хоронили.

«Свой, долгожданный», — оживился Пришляк. Начался деловой разговор, сперва отрывочный, потом перешедший в осторожную беседу, в ходе которой они прощупывали друг друга. Пришляк в детали не вдавался, однако сообщил гостю, что руководитель организации, Туренко, живет на одном из хуторов Ново-Спасского района. Гость попросил отвезти его к Туренко. Пришляк внимательно присматривался к собеседнику, взвешивал каждое произнесенное им слово. Оснований не доверять ему не нашел. Его привел в дом один из активных участников организации. Гость держался независимо и производил солидное впечатление.

На рассвете следующего дня Пришляк повез его на хутор к Туренко. Тот встретил их настороженно. Вцепившись маленькими колючими глазками в лицо приезжего, Туренко, после того как обменялись паролями, спросил:

— Кроме привета, с Самсоновского ничего для меня не передавали?

— Передавали еще кое-что. — Гость снял пиджак, отпорол подкладку и вынул половину фотографии с изображением самого Туренко.

Туренко не торопясь выдвинул из-под кровати небольшой сундучок со слесарным инструментом и извлек старую книгу, в которой находилась вторая половина фотографии. Обе половинки соединил и положил на стол. Туренко как-то сразу повеселел, превратился в гостеприимного хозяина. Серьезный разговор начался после ужина, когда семья улеглась спать. Зашторив окна комнаты и спустив с цепи собак, они просидели почти до утра. Туренко рассказал подробно, как создавалась организация, в которую вошли кулаки, недовольные Советской властью.

— Значит, большинство хуторян состоит в организаций? — спросил гость.

— Нет, многие с нами не согласны, — почесал затылок Пришляк. — Есть и такие, которые оказывают только материальную помощь, а работать в организации не хотят.

— Вы сказали, что имеете контакты за пределами Северной

Таврии. Насколько они надежны? — поинтересовался гость.

— Нам удалось привлечь одного богатого немца-колониста, живущего в Крыму, — объяснил Туренко. — Он познакомился с тамошним подпольем. Сколько их там, пока не знаем. Но они обещали, что, если мы выступим против Советов, они поддержат. А еще в Крыму существует организация местных кулаков. Все это удалось узнать Владимиру Конопле.

— Заслуживает доверия ваш Конопля? — спросил гость.

— Вполне! — твердо ответил Пришляк. — Он у нас работает среди молодежи и привлек в организацию немало надежных людей.

— Например?

— Ну, в прошлом году Галкина с Екатерининских хуторов, через него Рубана, который служил у Петлюры и в белой армии. Пулеметчик, офицер.

Этой ночью Туренко и Пришляк несколько раз отлучались в конюшню «посмотреть, что с лошадьми, и задать корму». Гость понимал: это предлог, чтобы на ходу обменяться впечатлениями и посоветоваться. После одной из таких отлучек Туренко предложил:

— Раз вы приехали получить отчет о состоянии организации, мы можем написать его. Если хотите…

— Ни в коем случае, — решительно возразил гость. — Никаких письменных отчетов. Вообще советую никаких следов не оставлять.

— Пожалуй, правильно, — одобрительно сказал Пришляк, не сводивший с гостя глаз.

Туренко еще раз проверил осведомленность гостя. Задал ему вопрос, знает ли он что-нибудь об оружии для организации.

— А мне говорили, что вы в оружии не нуждаетесь, — ответил гость. — Давайте уточним. Времени с момента ухода наших прошло много. Что-нибудь изменилось?

Тогда Туренко рассказал, что оружие хотели перепрятать в более укромное место, но оказалось, что ящики сгнили и винтовки сильно заржавели. Пришлось раздать их на руки самым надежным.

В полдень на второй день к Туренко приехал Владимир Конопля с неприятной новостью. Его дядя Яков за уклонение от уплаты налогов арестован и осужден народным судом, а вместе с ним еще два хуторянина, оба из организации.

— Плохо дело! — приуныл Пришляк. — В руках Якова связи с другими районами. И надо ж ему было доводить дело до суда.

— Это все Донец! — кричал Владимир. — Его работа! Убрать его давно пора!

— Не советую делать это сейчас, — вставил свое слово гость.

— Почему?! — вскипел Конопля.

— Подумайте хорошенько, — еще спокойнее ответил гость.

— Правильно, этого пока не надо, — кивнул Туренко. — Уберем Донца, тогда можем многих недосчитаться.

Когда пришла пора собираться в обратный путь, гость взял со стола местную газету и сделал из нее вырезку, которую связной должен был предъявить в дополнение к устному паролю. Туренко спрятал газету в тот же сундучок и предусмотрительно заметил:

— Если вырезка затеряется, пусть связной назовет место, где хранится газета…

В Береговом Пришляк по указанию гостя купил билет на пароход, но не до Приднепровска, откуда приехал, а в противоположною сторону. «Осторожный, — подумал Пришляк. — Такой не подведет».

Когда пароход отошел от пристани, гость вышел на палубу и свободно вздохнул. Здесь можно было наконец стать самим собой — Мовчаном, сотрудником Приднепровского отдела ГПУ. Он мог теперь в спокойной обстановке осмыслить полученный материал. Крым, колонисты, кулаки, петлюровцы, — кто только не носил за пазухой камня против Советской власти!

Не случайно именно Мовчан был послан в логово зверя. Рабочий Алчевского металлургического завода, комсомолец, он в 1920 году ушел в Красную Армию, дрался с белогвардейцами. Был начитан, производил впечатление серьезного, уверенного человека. По выражению его лица нельзя было определить внутреннюю реакцию на происходящие вокруг события. В оценке материалов Мовчан успел зарекомендовать себя трезвым и объективным работником. Кроме того, он был сравнительно новым человеком для округа, и его совсем не знали в районах.

Потом, во время следствия, Туренко в порыве откровенности признался мне, что он и Пришляк договорились, когда «наведывались к лошадям»: при малейшем подозрении ликвидировать гостя и подбросить труп куда-нибудь близ переселенческого поселка.

Мовчан впервые выполнял такое сложное и рискованное задание. Этот экзамен на чекистскую зрелость выдержал с честью. О всех мероприятиях по разоблачению антисоветской деятельности кулачества было доложено секретарю окружкома партии тов. Андрееву. Он порекомендовал осторожней относиться при арестах к людям, случайно попавшим под влияние антисоветской организации.

С помощью партийно-советского актива и работников милиции главари и наиболее деятельные участники

контрреволюционной организации были арестованы и доставлены в окружной центр. Вести следствие поручили мне и тов. Кузьмину, недавно направленному в органы ГПУ окружкомом комсомола. Нам, молодым коммунистам и чекистам, предстояло разоблачить более двадцати активных врагов, искушенных в борьбе с Советской властью. Они готовились к вооруженному восстанию, которое должно было произойти в случае войны. Надежды на это подогревались враждебными выступлениями реакционных деятелей из-за рубежа, а также осложнениями международной обстановки. Пришляк, как человек военный, разрабатывал планы боевых выступлений. В 1927 году он устроил в Береговом двух белогвардейских офицеров. Владимир Конопля готовил флаг и антисоветские листовки. Все это вместе с оружием он запрятал на чердаке молитвенного дома. Эти вещественные доказательства помог найти комсомолец Павло Пшеничный. При обысках было найдено много оружия. У Туренко в кармане обнаружили заряженный пистолет. Воспользоваться им ему не удалось.

Большие планы были у врага, но чекисты сорвали его коварные замыслы.

И. ЛЕБЕДЕВ
РОЗОВЫЙ ЖЕМЧУГ

Ваня, — сказал начальник, обращаясь к своему подчиненному, работнику разведки, — послушай-ка, по полученным сведениям, в Париже готовится для отправки в Союз группа террористов, имеющая задание освободить опаснейших контрреволюционеров, попавших в наши руки. Сообщается, что один из участников этой группы Иван Васильевич Красиков. Он офицер миллеровской армии, бежал в Норвегию после разгрома Северного фронта. Живет сейчас в Париже, бедствует, работает привратником в бистро на Монмартре. Женат.

Ваня задумался, а начальник продолжал:

— Дело это поручается тебе. Мы доставим тебя в Гамбург, а там придется самому пуститься в «плавание». Если нужны еще какие-либо сведения, получи их у Петра Николаевича.

И Ваня отправился в путь без промедления. В Гамбурге он достал нужные документы и поехал в Париж. Нанял он комнату у

давно осевшего в Париже русского еврея из Полоцка — Михаила Чевника. Торговал Чевник безделушками для дам и жил не бедно, но и не богато. В свое время он был бундовцем, затем примкнул к большевикам. Оказавшись за границей, он женился на француженке, погряз в семейных и торговых делах и постепенно отошел от политической деятельности, но продолжал симпатизировать большевикам и революции.

О Красикове Чевник ничего не знал, но о жене его слышал. Была она из поповской семьи, бедствовала и терпела много неприятностей от спившегося мужа. Одна клиентка из русских знала ее, и Чевник обещал узнать у нее побольше подробностей.

Ваня решил, что ждать, пока он получит эти сведения, не стоит, нужно самому начать поиски Красикова. Обойти все кафе и рестораны на Монмартре — дело почти невозможное. С чего же начать? У Чевника он спросил, не знает ли тот, где встречается более бедный люд из белых эмигрантов.

— В разных местах, — ответил Чевник, — Одни никуда не ходят, другие собираются там, где живут. Кто ходит в «Кок д'ор» на левом берегу Сены, кто в «Ампир» на Монмартре.

— А где собираются бывшие офицеры?

— Этих можно повсюду найти, но которые победнее обычно бывают в «Ампире».

Захватив с собой золотую царскую десятирублевку и несколько жемчужин на ниточке; Ваня отправился в «Ампир». Там было шумно, и русская речь слышалась повсюду. Более пьяные рассказывали о своих подвигах во время гражданской войны, другие, потрезвее, говорили о том, где можно найти работу.

У одного из столиков стоял высокий мужчина, в пышной, словно адмиральский мундир, расшитой золотом форме. «Привратник», — подумал Ваня.

Действительно, через минуту дородная кассирша окликнула «адмирала», и тот поплелся к двери.

«Неужели повезло? — подумал Ваня. — Красиков?»

Он внимательно осмотрел публику. Рядом, за столиком сидел мужчина в потрепанном пиджаке. Перед ним стояла полупустая рюмка, к которой он изредка притрагивался. «Скучает. Наверное, окажется разговорчивым», — подумал разведчик и по-французски попросил разрешения сесть.

— Пожалуйста, — пробормотал мужчина.

— Русский? — спросил Ваня.

Мужчина промолчал.

— Ваше здоровье! — еще раз попытался завести он разговор и поднял рюмку.

— Спасибо, — кивнул незнакомец, чуть пригубив рюмку.

Ваня попросил у официанта еще по рюмке, себе и соседу.

Несколько минут они просидели молча. Вдруг незнакомец привстал со стула, поклонился Ване и промолвил:

— Разрешите представиться. Иван Васильевич Красиков.

«Ну и чудеса!» — подумал Ваня.

— Александр Дмитриевич Рожальский — коммерсант, — назвал он себя.

Красиков поднял свою рюмку и чокнулся с Ваней.

Оба помолчали, каждый думал о своих делах. У Красикова они шли неважно, его террористическая группа бездействовала, провалились контрабандисты, которые должны были переправить ее через границу. Время же шло, аванс подходил к концу, и долгов становилось все больше и больше.

Словно почувствовав ход мыслей своего нового знакомого, Ваня вынул из жилетного кармана небольшую жемчужину и повертел ее между пальцами.

— Может, случайно знаете, Иван Васильевич, — кто в Париже интересуется такими игрушками? Я тут проездом, знакомств нет.

Красиков накрыл рукой розовый шарик.

— Сударь, — ответил он, — вы действительно впервые в Париже, иначе вы бы не показывали такие вещи первым встречным!

— Да вы не волнуйтесь! — успокоил его Ваня. — Это не настоящий, это подделка.

Красиков с недоверием посмотрел на собеседника.

— Все равно глупо. Здесь не будут спрашивать. Перережут горло и лишь потом узнают, подделка или нет.

Помолчав немного, он спросил:

— Скажите, Александр Дмитриевич, а много ли у вас таких безделушек?

— Пока что немного, но можно достать и побольше, — уклончиво ответил Ваня. Подошел официант, и он заказал еще по рюмке.

— Если вы познакомите меня с человеком, интересующимся таким товаром, я дам вам десять процентов с выручки.

— Странно, что вы так быстро доверяете людям, — сказал Красиков.

— А чем я рискую? — беспечно ответил Ваня. — Ну что ж, попробуйте меня обворовать — не выйдет. Да вам выгоднее согласиться на десять процентов комиссионных, чем потом пытаться продать поддельный жемчуг, за который не дадут и рюмки водки.

— Пойдемте! — сказал Красиков.

— Ой нет, — ответил Ваня. — Приведите вашего знакомого,

или кем он там вам приходится, сюда. Или нет: пойдете за ним, а я подожду вас в «Буль д'аржан», за углом.

— Пусть будет по-вашему. Я приду через полчаса.

Стоило Ване выйти из бистро и завернуть за угол, как на него бросился какой-то человек. Разведчик ожидал такого развития событий и, ловко подставив ногу, опрокинул его и схватил за руку.

— Что же вы, Иван Васильевич, решили попытать счастья?

— Отпустите, я пошутил, — стиснув зубы от боли, прохрипел тот.

Ваня схватил Красикова за шиворот и поднял на ноги.

— Вот что, — сказал он, — шутки шутками, а вы на волоске от смерти сейчас были. Я не шучу. Идите за своим коммерсантом.

Красиков постоял с минуту, задумавшись.

— Простите, — промолвил он наконец, — я действительно приведу человека. Он постарается вас обмануть, но, думаю, вы себя в обиду не дадите. Еще раз прошу прощения. Собачья жизнь у нас.

Повернулся и пошел.

Ваня сидел за столиком и ужинал, когда вошел Красиков с незнакомым прилично одетым человеком. Ваня предложил им вина. Незнакомец без всяких обиняков сказал:

— Покажите мне ваш товар, сударь. Фамилию вашу мне знать ни к чему, как и мою вам.

Ваня вынул жемчужину. Незнакомец подержал ее на ладони, достал из кармана маленькую лупу и наконец предложил:

— За одну такую штучку даю вам пятнадцать золотых. За подобранную нитку — много больше.

Ваня вынул из жилета свою нитку и передал незнакомцу. Тот вздохнул и стал внимательно рассматривать жемчужины.

— М-да, — пробормотал он наконец. — Что ж, хотите двести золотых?

— Не меньше пятисот!

— Двести пятьдесят.

— Пятьсот.

Незнакомец не отрывал глаз от нитки:

— Хорошо, я вам заплачу вашу цену. Но скажите, откуда они у вас? Нет-нет, не думайте, что я подозреваю вас в чем-нибудь таком… у меня есть клиентка, американка…

— Так вы ей скажите, что жемчуг вывезли из России три недели назад, что он принадлежал княжне — имя придумайте сами, — которой я обещал возвратить половину вырученных денег. Передайте вашей клиентке, что княжна нищенствует, голодает и что ее верный слуга, рискуя жизнью, перевез их через

четыре границы, ползком на животе, под пулями, чтобы продать их.

Ваня вошел в роль.

— Скажите ей, что, когда добывали этот жемчуг, утонули два пловца, что во время революции, охраняй княжну и ее драгоценности, погиб еще один человек. Скажите ей, что она держит в своих руках одну ниточку, но у княжны их десять, и все крупнее этой. Скажите ей, что если у нее есть терпение и деньги, она сможет купить через некоторое время остальные. Но цена будет во много раз больше. А цену назначьте ей тысячу долларов — пятьсот мои. Причем, деньги нужны мне сейчас.

— Дорогой друг, — проговорил незнакомец, — что вы все цену поднимаете?! Да у меня с собой и денег нет. Подождите с полчасика. Я должен съездить домой.

— Хорошо, но ни минуты больше!

Незнакомец заторопился к выходу.

Иван Васильевич посмотрел на Ваню с улыбкой.

— Вижу, — сказал он, — что вы не любите терять времени. Каким образом вы провели этого дельца, мне так и непонятно. Все проглотил, на все согласился и не пикнул даже.

— Все дело, — ответил ему Ваня, — в силе внутреннего убеждения в своей правоте. Но должен вам сказать, что тысяча долларов — еще не полная цена этой нитки.

Не прошло и получаса, как делец вернулся и выложил пятьдесят золотых монет по десять долларов. Ваня поморщился, сказав, что у него карманы не выдержат такой тяжести. Жемчуг он передал незнакомцу.

— Будут еще. Дайте адрес, — сказал Ваня.

— С вами приятно иметь дело. Вы понимаете толк в таких вещах.

Незнакомец подошел к хозяйке ресторана и попросил ее вызвать такси. Ваня воспользовался его уходом и передал Красикову пять золотых монет.

— Ваша комиссия.

— Благодарю, искренне благодарю, — ответил Красиков. — Чем еще могу быть полезным?

— Подождите меня, — ответил Ваня. — Я скоро вернусь. Тогда посмотрим.

— С удовольствием.

— Я доеду с вами до оперы, — сказал перекупщику Ваня. — Вы не возражаете?

— Да что вы! С удовольствием, — ответил тот.

В такси Ваня спросил, что он знает о Красикове.

Оказалось, что Красиков — человек беспутный, успел уже

быть под судом в Париже за грабеж.

— Остерегайтесь этого человека, — сказал делец. — Он на все способен. Мне жаль его жены — очень милой особы.

Доехав до оперы, Ваня сошел, спустился в метро и поехал к площади Этуаль, за одну остановку до конца рядом с ним сел свой человек.

— Опоздал немного, — сказал он Ване. — Пришлось три раза пересаживаться. Хорошо, что мы выбрали длинную дорогу. Ну, ладно, как дела?

— Во-первых, возьми у меня эти деньги, — ответил Ваня, — они рвут мне карманы. Передай, что Красикова я нашел. Предполагаю пойти к нему на ночевку, познакомлюсь с женой.

Выйдя на улицу, Ваня позвал такси и поехал на Рю-Пигаль. Там в кассе театра он обменял свою десятирублевку на франки и на другом такси вернулся в «Буль д'аржан». Как он и думал, Красиков с раскрасневшимся лицом сидел у столика. Перед ним стояла полупустая бутылка.

— Зря, батенька, пьете эту пакость, — сказал ему Ваня и, обращаясь к официанту, попросил: — Дайте черного кофе и рюмку камю, моему другу тоже.

— Вот что, — сказал он, получив кофе и коньяк, — мне нужно у вас переночевать. И, чтобы вы зря не радовались, скажу: деньги я передал на хранение. Поняли?

— Вы меня обижаете, Александр Дмитриевич, — развел руками Красиков. — А ко мне милости просим, хотя там и тесно, и бедно.

Квартира Красикова была недалеко. Поднимались они очень долго по скрипучей лестнице до самого верха. Маленькая квартирка, две комнаты и кухня, окна с частым переплетом; чисто, но бедно. Хозяйка оказалась молодой еще женщиной, миниатюрной, с густыми русыми волосами. Она с опаской взглянула на мужа и его гостя.

— Познакомьтесь, — буркнул муж: — Александр Дмитриевич, Агафья Ираклиевна. Александр Дмитриевич у нас переночует.

— Кушать будете? — спросила Агафья.

— Нет, мы поели, — поспешил ответить Красиков.

Он повел гостя в первую комнату — гостиную. Большой иконостас помещался в углу, горела лампадка, Красиков перекрестился. Ваня последовал его примеру.

Был в комнате стол, несколько стульев и шкаф — вся мебель очень дешевая. Красиков сел и столу и указал Ване на стул рядом.

— Скажите, Александр Дмитриевич, правда ли, что вам привезли этот жемчуг недавно? — спросил он.

— Возможно, — уклончиво ответил Ваня. — Во всяком случае я так говорил этому торгашу.

Красиков остался недоволен ответом, но дальше спрашивать не решился. Через минуту он снова заговорил.

— Не поймите меня превратно, — начал он. — Но мне нужно связаться с контрабандистами. Не смогли бы вы помочь мне в этом?

— Дорогой мой, — ответил Ваня. — Не поймите и вы меня превратно. Я вас не знаю, вы меня не знаете. Мы с вами проделали одно небольшое дело к обоюдному удовлетворению. Я свои пути и знакомых держу в секрете. Конечно, для полезного дела, а в полезности его нужно меня убедить, можно будет и подумать. Объясните мне сущность вашего дела, причем подтвердите какими-нибудь доказательствами солидность — я не могу рисковать людьми зря. Я пробуду здесь еще день, другой.

Ване хозяйка устроила кровать в столовой. Некоторое время было слышно, как хозяева шептались за стеной. Через час примерно Ваня почувствовал, что открывается дверь комнаты. «Ага! — подумал он. — Проверяет, при мне ли деньги». Красиков, бесшумно крадучись, пробрался к его одежде и быстро ощупал ее. Там и вправду ничего не было. В кармане пиджака Ваня оставил французские деньги и письмо, специально на этот случай подготовленное.

Оно было написано на английском языке и сообщало о предстоящей встрече и передаче какого-то пакета. Язык письма был туманным, но такого рода документы иначе и не пишутся.

Красиков вытащил письмо и ушел к себе. Ваня решил, что теперь можно наконец заснуть.

Наутро он нашел все свои вещи, в том числе и письмо, на месте. В кухне он увидел одну Агафью.

— А где Иван Васильевич? — спросил он.

— Ушел, — ответила хозяйка. — К сожалению, на завтрак у меня нет ничего, кроме чая.

— Не беспокойтесь. Сейчас мы это исправим.

Валя надел шляпу и побежал вниз. Купил в лавчонке кое-каких продуктов и молча передал покупки Агафье. Та сначала пыталась отказаться, но дала себя уговорить, приготовила завтрак и села вместе с гостем за стол. Оба молчали. Наконец хозяйка поставила пустую чашку на блюдце и, нагнувшись к Ване, быстро проговорила:

— Уходите скорее и не встречайтесь больше с мужем.

Ваня смотрел на нее внимательно. Она была бледна и очень взволнованна.

— Почему вы мне это говорите? — спросил он.

— Вы мне кажетесь добрым, ведь давным-давно я не встречала знакомого моего мужа, который бы пошел в магазин, да еще пригласил меня к столу.

— Видите ли, — ответил Ваня, — вы меня не знаете. Я такой же, как и другие приятели вашего мужа. А пригласить вас к завтраку — это удовольствие для меня. Вы хороши собой, молоды. Разве это странно?

Агафья смутилась, покраснела. Видно, давно ей не делали комплиментов, но лицо ее снова стало тревожным.

— Александр Дмитриевич, — обратилась она к Ване. — Иван у вас вытащил из кармана письмо, долго его переписывал и рано утром побежал кому-то показывать.

— Спасибо за откровенность. — Ваня усмехнулся. — Без меня письма все равно не понять. Не волнуйтесь.

— Ох, Александр Дмитриевич, если б вы знали, как мне тяжело! С французами я еще могу говорить, хотя они нас не любят и обирают, как только могут. Это я понимаю. Но зачем, зачем мы, русские, стали такими злыми? Как это тяжело. Что мои там в России сейчас делают? От отца и матери ни слова, а писать им боюсь. — Она заплакала.

— Скажите, — промолвил Ваня, когда она успокоилась, — их адрес. Я, пожалуй, смогу передать весточку от вас…

Агафья недоверчиво посмотрела на Ваню.

— Зачем вы хотите это сделать?

— Видите ли, я обычно такими делами не занимаюсь. Они неуместны в моей работе, но… скажите, в каком городе проживал ваш батюшка?

— В Пскове. Он там был священником…

— В Пскове у меня есть знакомые, — сказал Ваня. — Ладно, дайте, если хотите, письмецо, я его переправлю. Никто не будет знать, откуда и как оно дойдет, но старики обрадуются.

— А что же писать? Нужно так много сказать, а сказать нельзя. Разве можно описать, что здесь происходит?

— Ну, напишите, что вы здесь, в Париже, с мужем, скучаете по родителям, хотели бы их повидать, ну, сами знаете. Не пишите о горестях, они сами поймут, наверно. Вот! — Из шляпы он достал небольшой листок папиросной бумаги. — Пишите чистым, острым пером, без нажима. Подумайте сперва хорошенько, а потом пишите. Такой бумаги у меня немного.

Днем Ваня сходил к Чевнику и попросил передать, что «дела идут хорошо».

Чевник внимательно посмотрел на Ваню:

— Будьте осторожны. Красиков — опасный человек. Не преуменьшайте его способностей. Мне о нем рассказывали

страшные вещи.

— Спасибо за предупреждение. Передайте нашим просьбу организовать переправу и как можно скорее сообщить мне. Думаю, что через два-три дня все решится.

— Хорошо, — ответил Чевник. — Но не забудьте, что вам говорили о нем.

— Не забуду. До свидания.

— Ах да, — вдруг спохватился Ваня. — Дайте мне что-нибудь для дамы — чулки или что-нибудь такое. Нужно очень.

На улице Ваня заметил в отражении витрин, что за ним следует какой-то человек. Он несколько раз менял направление, шел то по одной улице, то по другой, пока не убедился: за ним действительно следят. Смущала откровенность преследования. Либо «хвост» был неумелым, неопытным и боялся потерять Ваню на людных улицах, либо он хотел нарочно запугать его. Ваня решил проверить агента. Шел он теперь около парижского овощного рынка, народу здесь было мало. Он юркнул в подворотню и спрятался. «Хвост» вошел следом за ним и, обогнув угол, натолкнулся на Ваню.

Держа в руках нож, направленный в живот «хвоста», Ваня спросил по-русски:

— Что ты за мной ходишь?

«Хвост» пугливо отступил и по-русски пробормотал:

— Мне велели за вами следить.

— Кто тебя послал? Говори быстро!

— Красиков, — пролепетал «хвост».

— Передай ему, — сказал Ваня, взяв «хвоста» за шиворот, — что я не люблю такие шутки. Убирайся живо!

«Хвост» моментально скрылся за углом.

Ваня не спеша направился к другому выходу, но не успел оказаться на улице, как к нему бросились три дюжих парня и, прежде чем он осознал, что происходит, втолкнули в подъезд и быстро повели по темной лестнице в какую-то квартиру. Там сидело еще четыре человека. Один был Красиков, других Ваня не знал.

— Привяжите его к стулу и выньте кляп, — приказал старший из присутствующих.

Ваня впился глазами в Красикова и гневно крикнул ему:

— Думаете таким образом узнать о письме, которое украли у меня ночью? Вор и дурак!

Красиков с руганью бросился на Ваню, но «старший» остановил его:

— Успокойтесь, Красиков, — и, обращаясь к Ване: — Письмо мы прочитали. Оно нас интересует, — поскольку обещает связь с

Россией. Вам предоставляется выбор: либо добровольно расскажете, кто писал это письмо, где можно найти этого человека и что он для вас делает. Либо мы вас вынудим рассказать всю правду.

— Во-первых, — серьезно ответил Ваня, — разрешите вам указать на излишнюю поспешность ваших действий, во-вторых, на их бесполезность.

Это мы посмотрим, — сказал Старший.

— Да что тут смотреть… Вы поспешили, хотя мы могли договориться более мирным путем, без этой мелодрамы. Если же вам так важно знать, какие у меня возможности, объясните, в чем дело, и я посмотрю, смогу ли вам помочь.

— А у вас, дорогой мой, выбора нет, — усмехнулся Старший.

— Это у вас его нет, — возразил Ваня, — Мой человек ничего без меня делать не будет. Я же вам ничего не скажу, вы меня убьете, и тогда что у вас останется? Ничего. Хуже чем ничего: у вас на руках останется мой труп, а от него не так просто избавиться.

Старший внимательно посмотрел на Ваню и, видимо, убедился в его решимости.

— Хм, вы, видимо, бывалый человек, — промолвил он.

— Спросите Красикова, — сказал Ваня спокойно, — как я его вокруг пальца обвел. Не думайте, что я вас боюсь.

— Развяжите его, — медленно сказал Старший.

Его развязали, и Ваня немного размялся.

— Теперь, — сказал он, — выведите тех, кому здесь нечего делать. Я хочу иметь дело только с руководителем.

Старший молча указал на дверь всем, кроме Красикова.

— Дело, сударь, в следующем, — начал пояснять он, — вот этому человеку, вам знакомому, нужно пробраться в Россию. Он пойдет вместе с теми тремя, которые вас сюда привели. Их необходимо перевести через границу, а там они сами будут двигаться дальше.

— И это все? — рассмеялся Ваня, — Для этого нужна была вся эта комедия? Четырех сразу я не берусь перевести. Вся партия получится равной семи человекам. Слишком много. Не пройти. Двух я возьму. Если вам нужно четырех, я их переведу по двое.

— Меньше четырех нельзя, — возразил Старший.

— Почему? Что, негде им подождать прихода другой пары? Это можно устроить. Вы должны обеспечить приезд всех четырех в промежуточную страну. Границу же и ту сторону я беру на себя.

— А откуда мы знаем, кто вы? Может быть, вы их передадите прямо в лапы чека!

— Ну что же делать, — развел руками Ваня. — Вы либо

верите, либо нет. Подумайте. Я буду вечером у Красикова. До свидания.

Когда он выходил из комнаты, те же трое бандитов преградили ему путь.

— Будьте любезны, — сказал Ваня Старшему, — скажите вашим людям об изменении обстановки.

— Пусть уходит, — проворчал Старший.

Ваня направился в ресторан, заказал обед и рюмку водки. Игра шла в его пользу. Операцию надо было проводить как можно скорей, чтобы не дать им опомниться.

Когда Ваня поднялся к Красиковым, его встретила одна хозяйка. Глаза ее были заплаканы, она выглядела несчастной.

— Что с вами, Агафья Ираклиевна? — спросил он.

— Приходил муж, ругал вас. Увидел письмо, которое я батюшке написала, разорвал. Побил. — Она заплакала.

Помолчав минуту, Ваня сказал:

— Не надо плакать! Вот возьмите еще листок такой же бумаги. Напишите при мне еще раз, и я отнесу письмо в надежное место. Только не теряйте времени.

Ваня смотрел, как она быстро писала мелким почерком письмо отцу. Свернув папиросную бумагу в тонкую трубку, он положил ее в кошелек, надел шляпу и только собрался идти, как вспомнил о своей покупке.

Сунув хозяйке в руки пакетик, он выбежал из квартиры.

Попетляв по улицам и убедившись, что за ним не следят, Ваня вошел в магазин Чевника и передал ему письмо Агафьи Ираклиевны.

— Думаю заехать к вам переночевать. Сможете принять меня поздно ночью? — сказал Ваня.

— Нет, к сожалению, это не удастся. Но я вам подготовил другое место. Вот адрес. Туда вы сможете зайти когда угодно. Это сторожка на окраине. Доберетесь на метро. А что с этой запиской? — Чевник указал на трубочку.

— Подержите до утра. Если утром не приду, передайте нашим.

Проехав в метро по другому маршруту, Ваня вернулся к Красиковым. Было семь часов вечера. У дверей его встретила хозяйка.

— Иван Васильевич дома, — шепнула она.

— Вот и хорошо. Он мне нужен, — ответил Ваня.

Хозяин был не один. Вместе с ним находился Старший, одетый в полевую форму полковника-пехотинца. Ваня с улыбкой поглядел на них.

— Я к вам на минутку, — сказал он. — Что вы решили?

Старший после небольшой паузы сказал:

— Мы воспользуемся вашими услугами. Поедет сперва Красиков и еще один. Они будут налегке. Когда вернетесь, переведете остальных. У них будет груз. До встречи всех четверых вы должны обеспечить Красикова и его спутников убежищем. Когда можно будет точно знать дату отправки? Сколько мы должны уплатить за услуги?

— По порядку… Промежуток между переправами будет не больше двух-трех дней. Переправу намечаем в ближайшее время. Перевезите своих людей в Ригу. Денег я у вас возьму немного, только на оплату проводников и взятки на границе. Обеспечьте людей на 10–12 дней в Риге. Есть ли у вас паспорта, есть ли у вас деньги, знаете ли вы, куда едете? Нужно все согласовать. Это не делается сразу.

— Могу вас успокоить, — сказал полковник. — Средствами мы обеспечены, документами тоже, связи в Москве и Петербурге имеем. Нам нужно только, чтобы вы провели четверку до ближайшего большого города.

— А не лучше ли вам послать только пару? Четверка более заметна, в особенности в пограничной зоне. Далеко в глубь страны я их не поведу.

— Нет, — возразил старик, — условия требуют четверки, меньше нельзя.

— Дело ваше, — ответил Ваня. — Завтра я скажу, когда выезжать в Ригу. До свидания.

Уходя, он шепнул хозяйке:

— Письмецо пошло. Ждите ответа через месяц, а может, и раньше.

Проверив, нет ли слежки, Ваня поехал на новую квартиру. Сторожка оказалась небольшой, но чистой. Ваня с удовольствием растянулся на нарах и быстро заснул. Рано утром он зашел к Чевнику, взял письмо Агафьи и отправился на встречу. Как было условлено заранее, в вагоне к нему подсел его знакомый.

— Как дела?

— Все в порядке. Надо спешить. Они не подозревают ничего, но мне оставаться здесь рискованно.

Ваня рассказал, что с ним произошло накануне.

— Сообщи Москве и попроси быстрее организовать прием. Я должен сегодня назвать им примерную дату выезда в Ригу. Намечаю через пять дней. Тем временем доберусь до Берлина и оттуда свяжусь с нашими. Да! Вот еще писулька. Это от жены Красикова ее родителям. Там адрес и все, что нужно. Ее помощь нам пригодится. Счастливо оставаться.

— Все понял. Передам. До скорой встречи.

В Риге встреча с Красиковым состоялась в среду. Переход был назначен в ночь на четверг.

— С латвийской пограничной стражей разговоры будут короткими, — сказал Ваня. — По десять долларов с носа. Приготовьте. За вас двадцать, за меня и проводника еще двадцать. На той стороне обойдемся без денег. Теперь слушайте внимательно. Сегодня в пять часов приходите к вокзалу со своим человеком. Переход второй группы состоится в воскресенье. Сегодня вы с напарником выезжаете поездом в шесть вечера. Я положил записку с названием станции и карту местности в левый карман вашего пальто.

Красиков хотел сунуть руку в карман, но строгий окрик Вани остановил его.

— Сразу видно, зелены вы, — укоризненно сказал ему Ваня.

В ту же ночь в пяти километрах от латвийской караулки Ваня встретился с Красиковым. Еще до встречи он услышал, как проходил Красиков с напарником. Он их пропустил мимо себя и долго шел незамеченным шагах в тридцати. Затем догнал их и остановил.

— Дети мои, — сказал Ваня, — вы точно на прогулке. Я уже черт знает сколько времени иду сзади вас, а вы меня не замечаете. Согласен, здесь вы как будто у себя, но на той стороне вам нужно быть значительно осторожнее.

— Да, мы знаем, — ответил Красиков, — но нам уже обеспечен переход с этой стороны.

— Что? — зло спросил Ваня. — Вы говорили здесь с кем-то о переходе? Черт знает что за люди.

Ваня крикнул по-совиному, и из-за кустов вышел человек. Красиков пугливо оглянулся и схватился за револьвер.

— Тихо! — приказал Ваня. — Объясните мне, о чем и с кем вы договорились?

Красиков успокоился и стал рассказывать.

— Мне передал полковник (он тоже здесь), что ему удалось добиться разрешения перейти границу в этой точке для нас двоих и еще в воскресенье для другой пары.

— А мы что, лететь будем? — спросил Ваня.

— М-да, полковник решил операцию производить без вас.

— Ну ладно. Дайте-ка мне карту.

При свете карманного фонаря Ваня пометил карандашом точку на советской стороне.

— В этом месте я буду вас ждать ровно десять минут, начиная с часа сорока. Не переходите на ту сторону раньше или позже часа тридцати. Ползите без шума, по-пластунски. За десять минут доберетесь до этого места. Тут на повороте дороги стоят три дуба,

а за ними кусты. Ждите там. Не курить. Не шуметь. С богом.

Ваня позвал проводника и направился обратно по дороге. Пройдя с километр, они круто повернули направо и лесными тропами пошли к границе. Убедившись, что все спокойно, они беззвучно переползли на советскую сторону. Подождав минут пять, Ваня вынул из кармана фонарь и, защитив луч, чтобы его не видно было сзади, дал сигнал. Ответа не последовало, и Ваня передвинулся еще метров на триста вперед. Потом снова дал сигнал и услышал в ответ тихий свист.

Встречали два пограничника.

— Они где-то поблизости, — сказал им Ваня, — дайте несколько выстрелов для острастки, но пропустите их. Другая пара тоже перейдет сегодня, и вся четверка встретится где-то здесь. Поэтому будьте внимательны и, если увидите вторую пару, постарайтесь их не задерживать.

— Ясно, — ответил пограничник, — ваши инструкции передадим по группам.

Примерно в полутора километрах от границы на опушке леса стояла пустая сторожка. Ею иногда пользовались контрабандисты, которые устроили в подполе убежище, хорошо замаскировав в него вход. Все это было, конечно, известно советским пограничникам, но они считали его слишком удачней приманкой и никогда не задерживали здесь нарушителей, а давали преступникам уйти и встречали их в другом месте.

Ваня решил, что если его предположения правильны и четверо перейдут собственными силами, без его помощи, то они, вероятнее всего, не выйдут на то место, где они с Красиковым договорились встретиться, а направятся в сторожку, хорошо известную и латышским властям. Поэтому надо было ожидать их по дороге туда.

Подойдя к окраине леса, Ваня издал слабый свист. Слева послышался ответ, и он с товарищем направился туда. В кустарнике сидело человек десять пограничников. Ваня кратко изложил им свои соображения.

— Ясно, — сказал, засмеявшись, командир. — Мы им устроим спектакль.

Быстро разделившись на две группы, пограничники разошлись по лесу, охватывая подступы к сторожке.

Началось томительное ожидание. Наконец, около двух часов ночи, группа одетых в штатское пограничников, в которую входил и Ваня, увидела две крадущиеся фигуры. Когда они подошли к кустарнику, их бесшумно свалили на землю. Скрутив им руки и заткнув рты тряпкой, пойманных повели в сторожку.

В сторожке открыли ход в подпол и столкнули вниз

задержанных. Там зажгли лампу. Красиков увидел Ваню и в ужасе прижался к стенке. Ваня укоризненно покачал головой: «По-своему хотели? Думали, что напали на дурака? Говори, о чем сговорились с полковником?..»

Вдруг сверху спустился один из переодетых пограничников. Быстро закрыв ход в тайник, он приложил палец к губам и шепнул: «Патруль». Все затаились. Раздались приближающиеся шаги, скрип двери и тяжелые удары сапог по полу. «Тут никого нет, товарищ командир», — послышался голос. «Да, видимо, направились по другой дороге. Пошли!» Дверь скрипнула, шаги удалились, и через минуту все стихло.

Подождав немного, Ваня выразительно посмотрел на Красикова.

Тот смущенно пробормотал:

— Мы думали, что вы чекисты, полковник вам не верил, потому и сговорился с кутеповцами. Они дали ему связи в Латвии. Вас они хотели передать латвийским пограничникам.

— Ну, а дальше что? Куда вы идете? Что будет с другой парой?

— Вторая группа из трех человек, — продолжал Красиков, — с ними полковник. Мы думаем пойти на Смоленск, где у полковника есть брат, а оттуда мы должны попасть в Москву.

— Когда вторая группа будет здесь? — переспросил Ваня.

— Они уже скоро прибудут. А скажите, кто эти люди с вами? — спросил Красиков шепотом.

— Это мои люди. Я думаю, что хлопоты, которые вы мне сегодня доставили, и ваше поведение аннулируют наш договор. Я вас выпущу отсюда только после выплаты тысячи рублей. Надеюсь, что деньги при вас.

— У меня только пятьсот, остальные у полковника, англичане дали ему больше двух тысяч. И французы дали кое-что, — добавил Красиков.

— Ну, ладно, дождемся полковника. Где вы должны встретиться?

— Здесь, — ответил Красиков.

— Подождем, — сказал Ваня.

Не прошло и получаса, как дозорный шепотом доложил: «Идут».

Вслед за ним, почти по пятам, через люк по одному вошли трое с фонарями в руках. Ваня и его товарищи зажгли свечи. Раздался крик: «Руки вверх!»

Полковник схватился за револьвер.

— Спокойно, полковник, — сказал Ваня. — Вы среди старых знакомых, а если вам хочется сопротивляться, посмотрите вокруг

себя. Нас шестеро, а вас трое.

Тут и пограничники зажгли свои фонари. Стало светло. Полковник увидел направленные на него наганы. Он растерялся и опустил оружие.

Ваня приказал Красикову: «Объяснитесь с полковником». Красиков рассказал, что с ними произошло.

— Ну вот, — сказал Ваня, когда Красиков кончил. — С вас за хлопоты тысячу рублей. Мы вас выведем к дороге, а там плывите, как умеете. Я умываю руки. Таких мерзавцев я еще не встречал.

Полковника и его спутников отпустили.

На этом поручение Вани кончалось. Пятерых террористов подберут другие, с них теперь не спустят глаз.

Через три дня Ваня сидел в кабинете начальника в Москве и докладывал обо всем, что было. Начальник слушал его внимательно, затем сказал:

— Все прошло хорошо. Группу террористов мы проследили до Смоленска. Операция проходит успешно.

И. ГРИГОРЬЕВ
ПОРТУГАЛЬСКОЕ КАПРИЧЧИО

Ноябрьской ночью 1936 года в Лиссабонском порту раздался мощный взрыв. Огромный немецкий пароход «Кап-Анкония» пошел ко дну. Тревожно взвыли сирены, забегали полицейские. А вскоре в дверь маленького домика на окраине города постучал человек. Дверь бесшумно открылась. К домику быстро подошли еще пятеро, шагнули внутрь.

На следующее утро мальчишки-газетчики кричали на всех углах: «Полиция расследует дело о взрыве немецкого парохода!» Газеты были нарасхват. Купил один номер и молодой человек среднего роста, с большим портфелем в руках. Он входит в большое здание, увешанное множеством вывесок, и поднимается в лифте на пятый этаж.

Молодой человек толкает дверь, на которой прибита медная дощечка: «Мануэль Оливейра и компания» и эмблема фирмы — сардинка на блюде, — и, войдя в свой кабинет, вынимает из

портфеля газету и углубляется в чтение.

Входит его секретарь, красивая молодая девушка.

— Как дела, Клара? Груз прибыл на место?

— Да, и он в полной сохранности, сеньор Оливейра. Кроме того, сегодня прекрасная погода.

— А у вас отличное настроение?

— Вы отгадали, сеньор. Ведь сегодня день моего рождения!

— О, мы обязательно отпразднуем его!

Звонит телефон.

— Здравствуйте, сеньор Росси, — отвечает Оливейра. — Как погода в Милане? Туман? Обидно! Так вы хотите, чтобы мы продали вам еще одну партию сардин? Пожалуйста, сеньор Росси. Могу вам предложить также партию тунца и кальмаров по сходной цене, но при одном условии: в обмен продайте мне грузовики. Вы спрашиваете, сколько? Сможете раздобыть 15–20 штук? Трудно? Ну, ну, сеньор Росси… А, вот и договорились! Я котирую вам телеграфные цены на сардины ФОБ — Лиссабон и СИФ — Генуя и жду вашего предложения относительно грузовиков. А риведерчи!

Оливейра кладет трубку. Виду него сосредоточенный. Он вынимает из лежащей на столе коробки сигарету и закуривает.

К зданию немецкого посольства в Бургосе, «столице» франкистской Испании в период гражданской войны, на большой скорости подъезжает запыленная машина. Из нее выходят два немца в полувоенной форме. В дверях кабинета их встречает высокий человек со шрамом на лице:

— Я жду вас с утра. Вчера пришла почта из Берлина. Установлено, что взрыв «Кап-Анконии» организован красными. Броневики, грузовые машины, амуниция, в которых так нуждается Франко, — все пошло прахом. Фюрер взбешен. Испанцы смеются над нами. Берлин требует схватить преступников и доставить рейхсфюреру СС, в противном случае наказанию подвергнутся те, кто не выполнит этого приказа.

— Но, Фридрих, — замечает один из прибывших, — мы-то здесь при чем? Взрыв произошел в Лиссабоне, и за него несет ответственность наша резидентура в Португалии. Пусть они и расхлебывают это дело.

— Удивляюсь твоему неведению. Во-первых, резидент в Лиссабоне, полковник Гофман, снят со своего поста и отозван в Берлин. Я ему не завидую. А во-вторых, на его место назначен ты, Отто!

— Я?!

— Да. Ты должен сегодня выехать в Лиссабон и заняться этим

делом. В результате взрыва «Кап-Анконии», — продолжает Фридрих, — погибло двадцать четыре человека экипажа, специалистов-техников и шоферов, сопровождавших груз. Обнаружено шестнадцать трупов. Восемь человек пропали бесследно. Из них четверо находились в этот день на берегу. Возможно, они не вернулись на корабль. Возможно, вернулись и погибли. Какова участь остальной четверки — неизвестно.

— Гестапо стало проверять прошлое и родственные связи пропавших без вести и обнаружило, что шофер Ганс Рихтер, 1902 года рождения, — сын члена Коммунистической партии Германии Петера Рихтера, скончавшегося в прошлом году в Дахау, — Фридрих достает из конверта пачку фотографий. — Вот, познакомьтесь.

Эсэсовцы внимательно всматриваются в улыбающееся лицо молодого человека…

— А этот — Зигфрид Баш. Двадцати четырех лет. Шофер. В день взрыва, как и Рихтер, находился на берегу. Его дядя был членом социал-демократической партии. — Фридрих передает остальные фотографии — Рудольф Замер, двадцати восьми лет, электротехник, бывший член Коммунистического союза молодежи Германии, папа — учитель, тоже из красных. Он тоже был на берегу. Его ровесник, твой тезка Отто Шлифер, матрос, был на берегу, его тетка замужем за евреем. Губерт Глаубе, двадцати четырех лет, матрос, должен был находиться на корабле, отец принимал участие в Гамбургском восстании, сейчас «отдыхает» в Дахау. Хорст Заславский, матрос, двадцать шесть лет, был на пароходе, полуполяк, полунемец. Петер Пробст, тридцатичетырехлетний шофер из Дрездена, был на борту — единственный, о котором ничего предосудительного не обнаружено. Итак, восьмерка отъявленных негодяев. У них наверняка была подпольная коммунистическая организация, гибель «Кап-Анконии» — дело их рук. Все ясно? Да, четверо исчезнувших шоферов должны были сопровождать грузовики в Испанию.

— Я все-таки не понимаю, — говорит Отто, — зачем мы направили «Кап-Анконию» в Лиссабон? Неужели нельзя было сбросить груз в одном из испанских портов.

— Видишь ли, пока мы официально отрицаем наше вмешательство в испанские дела. Если бы мы выгрузили этот груз в испанском порту, красные получили бы еще один аргумент в свою пользу. Кроме того, пароход вез оружие не только фалангистам, но и Салазару.

— Хорошо, допустим, все так. Но на что рассчитывает красная восьмерка? Они даже не знают языка! И это под носом у

разведчиков Салазара, в Лиссабоне, где каждый второй — осведомитель полиции? Полно, существуют ли на самом деле эти красные?

Молчавший все это время спутник Отто сказал, заикаясь:

— Если даже красных нет, то мы должны их выдумать, иначе быть нам безработными.

Гестаповцы засмеялись.

— Молодец, Конрад, ты редко открываешь рот, но зато всегда с толком. Что значит английское воспитание! Конрад окончил колледж в Оксфорде. Он хорошо знает повадки «Интеллидженс сервис», агенты которой хозяйничают в Лиссабоне. Он поедет с тобой, Отто, в столицу прекрасной Лузитании.

Отто Краузе хмурится.

— Удалось ли нашей португальской агентуре напасть на след красной восьмерки? — спрашивает он.

— Пока нет. Видимо, они где-то отсиживаются. Но долго сидеть взаперти они не станут. Немного переждут, а потом попытаются покинуть Португалию.

Фридрих Кох подходит к большой карте Пиренейского полуострова, на которой заштрихована часть испанской территории, занятая фалангистами.

— Выход у них только один: бежать из Португалии морем. Пробираться к красным через территорию генерала Франко было бы безумием. Но и здесь на всякий случай мы будем их ждать. Итак, господа, желаю успеха!

…Раннее утро. По шоссе к португало-испанской границе мчится открытая машина, нагруженная какими-то свертками. За рулем сидит Оливейра. У заставы пограничники вежливо здороваются с ним — он здесь частый гость — и без формальностей пропускают через границу. Оливейра дарит им дешевые сигары, а сержанту — бутылку мадеры. Прощаясь, говорит:

— В горах все в порядке? Красные не нападут на меня?

Пограничники машут руками, смеются.

В Севилье, заехав ненадолго в контору испанского филиала своей фирмы, чтобы оставить свертки, Оливейра отправляется прямо к губернатору. У дворца караульный требует документы, но с балкона Оливейру уже увидел Рикардо, адъютант генерала.

— Мигель! — кричит он. — Наконец-то ты приехал. Пропустите его, это сеньор Оливейра, друг генерала.

Адъютант встречает Оливейру на пороге дворца:

— Что нового в Лиссабоне? Слыхал о «Кап-Анконии»?

— Да, неприятная история. В Лиссабоне все только об этом и

толкуют. Между прочим, я привез тебе кое-что: несколько бутылок виски и разной снеди.

— Спасибо, амиго. Вечером забегу, пойдем куда-нибудь повеселимся.

Рикардо проводит Оливейру в кабинет генерала. Старик Кейпо де Льяно, нервный, суетливый, поднимается навстречу и громко говорит:

— Здравствуй, Оливейра. Ты мне очень нужен. Только не предлагай кайенский перец и сардины. Нам нужно оружие.

— Разве немцы и итальянцы не поставляют его вам в достаточном количестве?

— Сразу видно, что ты не военный человек. На войне постоянно не хватает оружия. И оно не всегда поступает в срок. Ты слыхал об этом взрыве в Лиссабоне? Ко дну пошло снаряжение двух дивизий, а платить за этот воздух все равно обязаны мы. Если ты хочешь иметь с нами дело, доставай броневики, танки, пулеметы, на худой конец — грузовики.

— Попытаюсь, генерал, но я не Крупп. Оружия у меня нет, хотя партию грузовиков я мог бы доставить вам на границу. Но как вы ими воспользуетесь? Ваша полиция перестреляла всех шоферов в Севилье.

— Все наши шоферы — анархисты и коммунисты. Но если ты можешь найти в Лиссабоне грузовики, ты найдешь там и шоферов. Я выдам для них пропуск на переход границы. Сколько ты можешь дать нам машин и когда?

— Десять «фиатов»-двухтонок по две тысячи долларов за штуку, сто долларов каждому шоферу, за двадцать тысяч банок сардин — десять тысяч долларов и пять тысяч долларов мне за услуги. Итого 36 тысяч долларов. Через десять дней грузовики будут в Толедо.

— Оливейра, ты разбойник, как и все португальцы. Если ты еще раз попытаешься всучить мне свои вонючие сардины, я прикажу тебя расстрелять. Сардины жри сам, а мне давай грузовики. За грузовики заплатим по 1500, шоферам по 50 долларов, а тебе за услуги — две тысячи. Итого семнадцать с половиной тысяч долларов. И не торгуйся со мной.

— Двадцать тысяч долларов, и грузовики будут в Толедо через десять дней; вам же в подарок разрешите привезти новенький «Фиат седан».

— Ладно, мой адъютант будет ждать тебя на границе с чеком и пропусками. Да, окажи мне услугу. Рикардо даст тебе бочонок мансанильи, отвези его в Лиссабон в подарок моему другу Отто Краузе, атташе немецкого посольства. Он там ловит красных, которые взорвали «Кап-Анконию».

Вечером в погребке, где помещается кабаре «Ла Триана», полно посетителей. За столиком у стены сидят Рикардо и Оливейра.

— Я тебе завидую, Мигель! — говорит Рикардо. — Ты живешь в сонном Лиссабоне, где никогда ничего не происходит.

— Ты забываешь, Рикардо, что в этом сонном Лиссабоне взрывают пароходы.

— Этот взрыв, о котором столько шумят немцы, видимо, результат несчастного случая, какой-нибудь технической неполадки. Немцы упрямы, они никогда не признаются, что катастрофа произошла по их же оплошности. Теперь они ищут саботажников, которых не существует. Зато у нас красные — не призраки, а трагическая действительность. Здесь, в Севилье, хотя мы перестреляли их несколько тысяч, они нам портят кровь ежедневно…

— Скажи, Рикардо, — спрашивает Оливейра, — как долго вы будете топтаться у стен Мадрида?

— Теперь уже недолго. Наши войска готовятся к решительному штурму, мы только ждем прибытия итальянских дивизий, которыми будет командовать генерал Бергонцоли. Надеюсь, что он покажет себя. Кроме того, у нас «пятая колонна» в столице. Ты знаешь, где помещается ее генштаб? В посольстве Гондураса! Мы поддерживаем с ними ежедневную радиосвязь. Сегодня получили сообщение, что красные готовят наступление в районе Бриуэги в канун Нового года. А мы их там будем ждать с хорошими гостинцами.

— Но знаешь, Мигель, — продолжает Рикардо, — даже если мы выиграем войну, мы не изменим наш народ; он был, есть и будет красным. Им можно управлять только при помощи жандармов, тюрем и виселиц.

— А если красные победят?

— Тогда я пущу себе пулю в лоб.

— Не будь дураком, лучше купи на всякий случай какой-нибудь латиноамериканский паспорт.

— А деньги? Где их взять?

— Об этом не беспокойся, мы ведь друзья.

— И потом, кто мне продаст иностранный паспорт?

— Разве у тебя нет знакомых в посольствах?

— Консул Никарагуа в Севилье — хороший друг.

— Прекрасно, Рикардо. Ты знаешь, мне пришла в голову блестящая идея. Если твой друг никарагуанец продаст тебе один паспорт, он тебе сможет продать и несколько. Скажи ему, что остальные паспорта для генерала и его родственников. Купи у

него сразу десять паспортов, пусть он один оформит на тебя, а девять выдаст чистыми. Деньги я на эту покупку дам. А ты мне дашь на хранение паспорта. В случае, если дела генерала Франко примут не тот оборот, мы эти паспорта продадим на вес золота, а заработок поделим. Если же вы победите, то паспорта мы продадим вашим противникам, которые тоже не поскупятся в цене. В том и другом случае ты станешь богачом, не затратив ни копейки на весь этот бизнес. Ну как?

— Мигель, ты из воздуха способен делать капитал! — восхищается Рикардо.

В Москве у руководителя советской разведки Савицкого собрались, кроме хозяина кабинета, его заместитель Ганин и работник Бодров.

— Я собрал вас, товарищи, — говорит Савицкий, — для консультации по необычному для нас делу. Речь идет о взрыве парохода «Кап-Анкония». Группа немецких антифашистов из состава команды парохода, которая осуществила эту операцию, была намерена сразу же переправиться в нейтральную страну. Однако сделать это не удалось, и они оказались в крайне трагическом положении. Гестапо и полиция Салазара напали на их след. Сведения об этом получил Овод. Он же оказал помощь антифашистам, которых возглавляет Ганс Рихтер. Сейчас группа Ганса скрывается на одном из складов компании Овода в Лиссабоне. Овод нашел для них документы — никарагуанские паспорта, но все же выводить их через Лиссабон или Опорто крайне опасно, так как за портами установлено строгое наблюдение. Овод мог бы перебросить группу на рыболовецкой шхуне в Сунчал, столицу острова Мадеры, куда заходят океанские пароходы. Но это тоже опасно во многих отношениях. Он предлагает другой вариант, по его мнению, более подходящий: провести группу Ганса через франкистскую зону в район фронта на грузовиках, которые он запродал Кейпо де Льяно. А там, через линию фронта, пусть перебираются своими средствами. Предложение оригинальное, смелое. Во всяком случае, гестапо, несомненно, не ожидает появления группы Ганса во франкистской зоне. Нужно выбрать лучший план, разработать его и дать окончательные директивы Оводу. Каково ваше мнение, товарищи?

— Я лично, — говорит Ганин, — сторонник переброски группы через франкистскую зону. Правда, Гансу и его товарищам придется действовать в непривычной обстановке, не зная языка. Помощь в переходе линии фронта мы можем им оказать. Но задача заключается также в том, чтобы не провалить Овода.

Исчезновение группы Ганса не должно связываться с его деятельностью.

— А если устроить прорыв на этом участке фронта, — говорит Бодров, — и, так сказать, взять группу Ганса в плен?

— Но ведь прорыв может и не удаться.

— Следует узнать более точно об обстановке в районе Толедо.

Чекисты задумались. Наконец Савицкий снял телефонную трубку:

— Дмитрий Иванович? Какие у вас данные о положении в районе Толедо? Да, да. Понял, спасибо. Товарищ Ганин, вам придется выехать на место, чтобы быть ближе к Оводу. Я думаю, что Оводу придется действовать так…

В Лиссабоне на террасе маленького кафе с унылым видом сидят Отто Краузе и Конрад. Отто украдкой оглядывается по сторонам, словно ищет кого-то.

— Сегодня утром, Конрад, пришла новая телеграмма от Гиммлера: «Если вы в ближайшее время не разыщете группу Ганса, вам придется держать ответ перед судом чести нашей партии». Это значит Дахау и для меня, и для тебя. Но Ганса мы найдем во что бы то ни стало.

— Ты неплохо придумал с объявлением в газетах о том, что тебе нужны шоферы. Может быть, эти прохвосты клюнут на эту удочку и сами пожалуют к нам. Но шоферов ищет и Оливейра: ему они нужны для отправки грузовиков в Толедо.

— Этот Оливейра мне не нравится, Конрад. У меня такое впечатление, что он работает на английскую разведку. Ты заметил, что ему нравится виски? Советую заняться им. У него хорошенькая секретарша. Приударь за ней, и она раскроет тебе не только свою душу, но и душу Оливейры. Не мешает присмотреться и к его шоферам. Ты обратил внимание, какой у него цвет лица? Говорят, что в его жилах течет негритянская кровь. Он родился в Бразилии, и мать его была мулаткой. Говорят, он обобрал своего компаньона Сильвейру и завладел его фирмой.

— Я вижу, ты все о нем знаешь.

— От начальника лиссабонской полиции. Должен же я знать, кто мне возит вино от генерала Кейпо де Льяно.

А на пустынном пляже поблизости от Лиссабона в это время лежат на песке Клара и Оливейра и тихо беседуют:

— О чем ты думаешь?

— Ты знаешь, мне хочется квашеной капусты и черного хлеба. Надоели португальские сардины.

— Ты устал?

— Да. А ты молодец, я восхищаюсь тобой.

— Потому что беру пример с тебя, Миша.

— Перестань молоть чепуху. Просто ты чудесная советская девчонка.

— Нет, я обыкновенная, а вот ты необыкновенный советский парень.

— Перестань, Нина… Нина! Ты вышла бы за меня замуж?

Она вскакивает, смеясь, забрасывает его песком и бежит к морю, а он вытягивается на песке и, закрыв глаза, о чем-то думает.

«Как я попал на этот пляж в далекий фантастический Лиссабон и что будет со мной, с Ниной, Гансом через неделю? Несколько лет назад я и она мечтали совсем о другом. Все началось тогда, в июльский солнечный день. Как хорошо было оставаться Михаилом Снеговым! Не то что Оливейра — хоть и красивое имя, но не родное… И было мне двадцать шесть. Только что блестяще окончил филологический факультет МГУ. А Нина, Нина Крючкова, которая мне уже тогда нравилась, обещала вечером того дня пойти со мной в кино. В первый раз! Я сильно удивился, когда меня попросил зайти к себе декан. У декана сидел незнакомый человек. Потом-то я отлично узнал его, товарища Ганина. Он предложил мне работать в разведке. Я думал целую ночь — после того, как мы ходили в кино с Ниной. И дал согласие. Хотя язык я знал в совершенстве, пришлось учить португальские песни, познавать другие вещи! Наконец меня послали сюда. Товарищ Савицкий сказал, что я „прирожденный разведчик“. Я не жалел ни о чем, только… о разлуке с Ниной. И надо же было так случиться, что тем человеком, которого мне прислали в помощь, оказалась именно Нина, моя Нинка! Это просто удивительная история: она стала секретарем сеньора Оливейры, и мы теперь с ней вместе. Вместе!..»

— Клара! — кричит он в море. — Нам пора! Ты слышишь меня?

— Да! Я иду! — отвечает она.

Ночью к воротам дома, в котором скрываются Ганс и его товарищи, подъезжает крытый грузовик. За рулем — Оливейра. У ворот его ждут Клара и Ганс.

— Через полчаса мы выедем, — сообщает Оливейра. — Когда я сяду за руль, вы выходите с товарищами во двор и садитесь в грузовик. За городом нас ждут остальные девять грузовиков. Четыре из них поведут испанские антифашисты. Я поеду на «седане». Если пограничники или испанцы начнут с вами

говорить, на все отвечайте: «Да, сеньор!» — «Си, сеньор!» Ясно?

— Ясно!

— Проверьте, у всех ли документы на руках, знают ли товарищи свои новые имена и фамилии. Отъезд через двадцать минут.

— Дорогой товарищ! — говорит Ганс. — Мы благодарим тебя за помощь, за солидарность. Мы не знаем твоего имени, но мы знаем, что ты коммунист, и этого для нас достаточно. Немецкий народ под властью фашистов. Но коммунистическая партия продолжает бороться за свободу. И она победит. Рот фронт, геноссе!

— Спасибо, Ганс!

Грузовики Оливейры едут по шоссе. Первую и последнюю машину ведут испанцы. На второй — Ганс Рихтер. Впереди колонны в «седане» — Оливейра и Клара.

— Я тебя оставлю около вокзала, — говорит Оливейра Кларе, — оттуда ты первым поездом вернешься в Лиссабон и сегодня же вылетишь в Париж. Если операция пройдет благополучно, я телеграфирую тебе, и ты сможешь вернуться. Если нет — не поминай лихом. Мне кажется, что гестапо излишне интересуется нашей поездкой.

— Я никуда не поеду из Лиссабона.

— Нина, приказ необходимо выполнить. Будь благоразумной.

— Миша, ты не любишь меня.

— Я всегда вспоминаю наши студенческие годы…

— Хорошо, я поеду в Париж. Я буду тебя ждать. И если нужно…

Оливейра радостно обнимает ее, крепко прижимает к себе.

Колонна подъезжает к границе. Оливейра здоровается с пограничной охраной и, как всегда, раздает подарки. А на испанской стороне их встречает радостный Рикардо. Он торопит начальника поста. Наконец тот дает знак: можно трогаться. Оливейра и Рикардо садятся в «седан». Грузовики трогаются с места, но одна из машин стоит. Пробст, который сидит за рулем, не может ее завести. К нему бежит офицер:

— Что там у тебя?

— Си, сеньор! — отвечает Пробст.

Оливейра останавливает «седан» и быстро направляется к ним:

— В чем дело, амиго?

— Эти лиссабонские шоферы — кретины! — возмущается офицер. — Им управлять телегой, а не грузовиком.

— Заело, наверно, мотор.

С помощью Оливейры Пробст заводит машину. Колонна

вновь в пути…

В кабинете у Кейпо де Льяно Оливейра застал резидента гестапо Фридриха.

— Оливейра, мой мальчик, грузовики с тобой? — воскликнул генерал.

— Так точно, генерал! И «седан» тоже!

— Прекрасно! — все так же восторженно хрипит генерал. — А вы сомневались, — укоризненно бросает он Фридриху.

Фридрих подходит к Оливейре:

— Я вас поздравляю с удачной сделкой, сеньор Оливейра. Каковы ваши дальнейшие планы?

— Сейчас мы направляемся в Толедо.

— Я тоже еду в Толедо, — говорит Фридрих. — Нам по дороге, и я вас подвезу на своей машине.

Оливейра секунду пристально смотрит на немца, потом, улыбаясь, говорит:

— Рад вашему любезному приглашению. С вами я буду чувствовать себя надежнее.

— Вот именно! — не моргнув глазом, отвечает Фридрих.

— Очень хорошо. Рикардо останется здесь. Не теряйте же времени, — напутствует их генерал.

Машина Фридриха — многоместная, задние сиденья отгорожены от шофера стеклами. Она трогается бесшумно, на хорошей скорости.

— Меня поражает ваша деловитость, сеньор Оливейра, — говорит Фридрих. — Но, мне кажется, вы растрачиваете свои силы понапрасну.

— Почему?

— Занимаетесь мелочами, продаете грузовики, сардины, кайенский перец.

— Разве это плохо?

— При вашем таланте вы могли бы преуспеть значительно больше.

— Одного таланта мало, нужны капиталы.

— Умные люди всегда их могут найти.

— Ограбив банк?

— Не притворяйтесь дурачком, Оливейра. Вы знаете, что я имею в виду.

— Вы ставите не на ту карту, полковник, — смеется Оливейра. — Я, конечно, не откажусь от ваших денег, но учтите: я трус.

— Что-то не заметил за вами трусости. Мы сейчас во фронтовой зоне, а вы отнюдь не щелкаете зубами со страху.

Оливейра усмехается…

Все ближе слышен гул орудий. Вдруг машина Фридриха попадает одним колесом в яму и останавливается. Грузовики едут мимо. Фридрих вглядывается в лица шоферов. Один, другой, третий… Ого! Физиономия этого парня кого-то удивительно напоминает. Ганс Рихтер!

Фридрих быстро оборачивается, выхватывает «вальтер» и наводит его на Оливейру.

— Сеньор Оливейра, я уложу вас на месте, если вы сделаете хоть одно неосторожное движение! Вы сохраните жизнь, только выполняя мои приказания. Ваша игра кончилась. Интересно знать, на что вы рассчитывали? Перейти к красным? И вообще, на кого вы работаете, Оливейра?

— На фирму «Мануэль Оливейра и компания».

— Не валяйте дурака!

Неожиданно на дороге появляются немецкие танки и броневики. Это трофеи испанской Республиканской армии, и они прибыли сюда по решению генштаба армии, сражающейся за свободу Испании. Из броневика выходит немецкий офицер и останавливается возле машины Фридриха.

— Ваши документы, господа, — говорит он по-немецки. Оливейра узнает в нем Ганина.

Ничего не подозревающий Фридрих торопится объяснить:

— Я полковник Менделе из германского посольства в Бургосе. Задержал красного шпиона. Шоферы — тоже красные диверсанты.

Ганин обращается к Оливейре:

— А что скажете вы?

— Только то, что полковник Менделе — опасный преступник и его необходимо обезвредить.

— Ваше оружие, полковник Менделе!

…После радостной встречи Ганин говорит Оливейре и Гансу:

— Соберите всех товарищей в два грузовика. Будем пробиваться обратно. Остальные машины сожжем.

— Разрешите доложить, — говорит Оливейра. — Менделе заподозрил меня только сейчас, в дороге, поэтому я могу возвратиться и продолжать работать в тылу врага.

— Нет, рисковать нельзя. Ты попадешь к нам в «плен», а потом республиканцы «вышлют» тебя как португальского торговца в Париж. Там ты встретишься с Крючковой, и если проверка покажет, что не осталось никаких следов, то вы вернетесь в Лиссабон. Кроме того, из Парижа мы сможем перебросить тебя и Крючкову в Москву, хотя бы на месяц.

Оливейра счастливо улыбается…

Вскоре танки и грузовики достигли республиканской территории.

И. ГРИГОРЬЕВ
ШИПЫ НА ДОРОГЕ

Шел 1938 год… Вечерело. Летчик-испытатель Илья Галушин торопился на своем «газике» в Москву. Испытания нового истребителя потребовали от Галушина больших усилий и неотлучного пребывания на аэродроме, но теперь все было позади, машина принята государственной комиссией, а Галушин получил в награду трехдневный отпуск.

Перешагивая через две ступеньки, он вбежал на второй этаж и, чувствуя, как стучит сердце, нажал кнопку звонка.

— Ну перестань. Ведь ты меня сломаешь, — засмеялась Галя, делая вид, что вырывается из его объятий.

Галушин поднял жену на руки и посадил на диван.

— Не пойти ли нам в город? Давай предадимся земным радостям, а то на этой неделе я очень мало ходил по земле.

— Нет, — покачала головой Галя, — только не сегодня. Сегодня мы проведем вечер дома. Вдвоем.

Галушин не возражал. Ему в душе самому хотелось посидеть дома, что же касается «земных радостей», то они предназначались специально для жены, — он знал, что всю неделю она терпеливо ждала его дома.

За ужином Галя сказала мужу:

— Ты знаешь, сегодня я встретила мать Степана Коваленко. Она говорит, что Степан тепло вспоминает тебя и то время, когда вы дружили. Почему вы перестали дружить?

Галушин задумался, отодвинул стакан с чаем.

— Галка, не стоит об этом говорить, — он постарался придать своему лицу веселое выражение, — ты же знаешь, я не виноват.

— Я не хочу делать тебе больно, Илюша, но мне обидно, что ты — самый умный, самый честный, самый добрый, самый красивый — и вдруг…

Илья поднялся из-за стола и шутливо прикрыл ее рот ладонью. Она отстранила его большую тяжелую руку и, грустно посмотрев на него, сказала:

— Да, самый красивый — для меня, конечно, — и остался без своего самого близкого друга.

Галушин поцеловал Галю — чуть-чуть, в золотистые пряди, завивавшиеся надо лбом.

— Ладно, раз ты так хочешь, я постараюсь объяснить тебе, что произошло между нами. Садись поудобнее, рассказ будет длинным.

— Я и сам часто думал о моих отношениях со Степаном. И сам хотел разобраться, почему мы охладели друг к другу. Впрочем, охладели, пожалуй, не то слово. Я питаю к Степану прежние братские чувства. Ну, да не в этом дело. Ты знаешь, что до 1934 года у нас с ним были почти одинаковые биографии.

Техникум, завод, комсомольская работа, Осоавиахим, походы, военные занятия — все это мы прошли вместе. У нас не было секретов. Мы даже доверяли друг другу наше отношение к тебе.

— Что же вы обо мне говорили? Что говорил Степан?

— Ты мне сейчас не задавай вопросов, Галка! Особенно таких… Но жизнь вмешалась, и наши биографии, начиная с 1934 года, стали разными. Меня приняли в летную школу, Степан не прошел по здоровью.

— Он же совсем здоровый парень?

— Верно, вполне здоровый и крепкий, но у него нашли небольшое отклонение от нормы в зрении, а требования были очень высокими. Для нас обоих это было просто невероятным. Затем Степана вызвали в райком комсомола и вручили направление на работу в НКВД. Отказаться было нельзя. Да и как можно было отказываться от работы, связанной с защитой

Советской власти от тайных врагов.

— Что же случилось дальше?

— Два года я занимался в летной школе в Москве. Степан тоже проходил подготовку. Мы продолжали встречаться, но, как ты сама понимаешь, значительно реже. Я всегда подробно рассказывал Степану о своих делах, о полетах, он же ограничивался лишь одной фразой: «Работой доволен, работа интересная». Меня злило это, казалось, что Степан мне не доверяет. Это была первая кошка, которая пробежала между нами.

— Мне кажется, — прервала Галя рассказ Галушина, — что это просто несерьезно.

— Может быть, — согласился Илья. — Хотя, впрочем, ты всегда готова оправдывать Коваленко.

— Так вот, в 1936 году я, как ты знаешь, уехал в Испанию, Степан остался в Москве. Год мы не виделись. Если ты меня спросишь, о ком я больше всего скучал в это время, так я отвечу: о Степане Коваленко. Я знал, что и он был в то время в Испании, но чем он там занимался, понятия не имею.

— А я в расчет не принималась?

— Я говорю о друзьях, Галка, — улыбнулся Галушин, — а ты была уже моей невестой. И скучать о тебе мне было положено по штату…

— Продолжай, Илюша, — попросила Галя, — Я удовлетворена ответом.

— В Москву я вернулся в 1937 году. Общие друзья сказали мне, что Степан еще находится в командировке. Ну, а потом был арестован Петр. Ты знаешь, Галка, как я любил брата! Он для меня был идеалом, я на него равнялся, старался подражать во всем и вдруг… Петр — «враг народа»!

Галушин снова задумался.

— Я не могу поверить в то, что Петр мог совершить политическое преступление, что он оказался не тем человеком, каким он мне представлялся. Ну, и, конечно, я думал тогда, что мне придется проститься с профессией летчика.

Тем более, что, как ты знаешь, в Испании меня сбили над франкистской территорией и я попал в плен к фашистам. Хотя я бежал и вернулся к своим, но чувствовал, что все это делало меня в глазах кое-кого «подозрительным типом».

Да, так вот! Вся эта история с моим пленом и с Петром, — продолжал Галушин, — помимо моей воли, наложила отпечаток на мое отношение к Степану. Ведь он работает в организации, которая арестовала брата и которая может арестовать и меня.

— Илюха, ты смешал все в одну кучу: любовь к брату,

интересы государства и твое отношение к Степану, — с укоризной сказала Галя. — Может быть, мы чего-нибудь с тобой не понимаем? Мы очень мало знаем, что по существу происходит вокруг нас и что кроется за этими бесчисленными арестами.

— Может быть, и не понимаем, — сказал задумчиво Галушин.

Разговор дальше не клеился. Настроение у обоих было испорчено.

Через час, когда они уже ложились спать, в коридоре раздался телефонный звонок.

— Неужели опять на аэродром? — испуганно спросила Галя, глядя, как он снимает телефонную трубку.

— Слушаю. Да, это Галушин. Откуда? Понял. Завтра в одиннадцать? Хорошо, буду.

Галушин повесил трубку. Лицо его стало бледным. Галя заметила это.

— Кто звонил, Илюша?

— Вызывают на завтра в НКВД, — четко выговаривая каждое слово, ответил Галушин.

— В НКВД? Зачем?

— Боюсь, что по поводу Петра, а может быть, и того хуже.

— Не волнуйся, милый, преждевременно. Что бы ни произошло, я всегда с тобой. А сейчас давай спать.

И Гале, и Галушину заснуть удалось лишь под утро. Встали они молча, молча позавтракали. Галушин надел синий френч летчика, аккуратно повязал галстук и направился к выходу.

— Я с тобой, — сказала Галя.

— Нет, ты сиди дома. Я тебе позвоню. Дадут же мне возможность позвонить жене!

— Только обязательно позвони и сразу, как только сможешь.

— Хорошо, — сказал Галушин, закрывая за собой дверь. — Не поминай лихом!

Ровно в одиннадцать он вошел в приемную полковника Ганина.

— Ваша фамилия Галушин? Присаживайтесь, пожалуйста, — сказал дежурный, с любопытством посмотрев на атлетическую фигуру летчика. — Я доложу Алексею Ивановичу.

Дежурный скрылся за дверью кабинета, скоро вернулся и, держа дверь открытой, пригласил:

— Проходите, пожалуйста.

— Здравствуйте, — сказал Ганин и, встав из-за стола, направился к Галушину. — Простите, что мы вынуждены побеспокоить вас.

Он пожал руку Галушину и предложил сесть за приемный

столик. Затем вернулся к своему письменному столу, взял лежащую на нем папку и сел напротив.

«Начало неплохое, — подумал Галушин. — Что-то будет дальше?»

— Нам известно, что вы сражались в Испании, были в плену.

— Да.

— Помогите нам выяснить кое-какие обстоятельства, связанные с вашим побегом.

С этими словами Ганин открыл папку, которая лежала перед ним, и, взяв из нее фотографию, передал Галушину.

— Вам знакома эта девушка?

— Конечно, — сказал порывисто Галушин. — Это Инес Урибе. Она спасла мне жизнь.

— Что вы знаете о ней.

Галушин был удивлен таким началом беседы. Оказывается его вызвали совсем не по тем причинам, о которых они говорили с Галей…

— Разрешите мне позвонить? — спросил он Ганина.

— Позвонить? — Ганин с удивлением посмотрел на Галушина. — Кому?

— Жене. Я ей обещал…

— А-а, понимаю, — сказал Ганин и подвинул телефон Галушину.

Галушин быстро набрал номер.

— Галя? Это я! Все в порядке. Жди меня. До свидания.

Обращаясь к Ганину, Галушин весело отрапортовал:

— Теперь я в вашем распоряжении.

— Хорошо, — улыбнулся Ганин. — В таком случае я подскажу, с чего начать. Ваш самолет был сбит под Бриуэгой. В бессознательном состоянии вас доставили в полевой госпиталь фашистов. На другой день вы пришли в себя, и вас отправили в Бургос.

— Совершенно верно. В Бургосе меня допрашивали с «пристрастием». Я назвался болгарином Стеклинским. Однако фашистам легко был доказать мне, что я русский, так как мой болгарский язык мало чем отличался от московского говора. Поняв, что мое дело — табак, я отказался отвечать на вопросы. После этого меня направили из тюрьмы Бургоса в так называемую тюрьму № 5, которая находилась под контролем немецких союзников Франко. Эта тюрьма расположена километрах в тридцати от Бургоса. 5 апреля 1937 года под вечер меня вывели из здания тюрьмы в Бургосе и посадили в машину. Охрана состояла из пяти человек: четверо сидели со мной в кузове, а старший охранной группы находился в кабине шофера. На руках

у меня были наручники.

Выехав за город, мы очутились на довольно безлюдной дороге. Навстречу нам проехал на большой скорости мотоцикл, и снова никого. Вскоре после встречи с мотоциклом наша машина остановилась — оказались проколотыми две передние шины.

До меня доносились возбужденные голоса шофера и старшины. Содержание их разговора разобрать не удалось. Мне было видно, как солдаты меняли покрышки. Но у шофера оказалась в запасе только одна, поэтому ему пришлось размонтировать вторую, вынуть камеру, склеить ее и снова смонтировать. Солдаты энергично помогали ему; старшина подгонял их.

В самый разгар работы к нам подъехали два мотоцикла с колясками и с пассажирами в них. Между старшиной и приехавшими людьми начался какой-то разговор. До меня доносились лишь обрывки фраз. Затем трое из подъехавших начали помогать солдатам, четвертого мне не было видно. Он, очевидно, разговаривал со старшиной. Меня мало интересовали эти подробности. Потом я услышал какой-то шум. Я посмотрел в окошко и увидел картину, смысл которой дошел до меня не сразу.

Солдаты и шофер лежали связанными. Мотоциклисты поднялись в кузов и помогли мне спуститься на землю, а на мое место водворили охранников. Один из них сел за руль тюремной машины и увел ее на проселочную дорогу.

Меня же посадили в коляску мотоцикла. Ехали мы с очень большой скоростью. В нескольких километрах от того места, где меня освободили, мы свернули вправо.

— Расстояние от того места, — перебил рассказ Галушина Ганин, — где был организован прокол шин вашей походной тюрьмы, до поворота было пять километров. Мы эту дорогу хорошо изучили.

Галушин с удивлением посмотрел на Ганина.

— Но как же вам удалось проколоть шины? — спросил Галушин.

— Это было сделано элементарно просто: на дороге рассыпали трехконечные шипы, и сделал это мотоциклист, повстречавшийся вам.

— Вся история моего освобождения, — сказал Галушин, — казалась с самого начала и до конца совершенно сказочной. Теперь эта сказка приобретает реальность, и тем не менее я не могу отделаться от ощущения невероятности происшедших со мной приключений.

— А для меня, — прервал Галушина Ганин, — кажутся

невероятными ваши боевые полеты, ваше поведение в воздухе. В каждой профессии есть, видимо, элемент романтики. Вам в нашей профессии разведчика многое кажется невероятным, а для нас это обычное дело. Но мы отвлеклись, продолжайте, пожалуйста.

— Вы же знаете лучше меня всю эту историю! — сказал Галушин.

— Верно. И все же есть такая деталь, в которой мы не совсем уверены, а от нее зависит судьба одного важного дела, так что я уж прошу вас продолжать.

— По новой дороге мы ехали недолго, — начал Галушин.

— Попадались вам навстречу люди?

— Нет, ни одна живая душа, — ответил Галушин. — Путешествие на мотоцикле кончилось у небольшой рощи. Меня отвели в кустарник, около дороги. Прощаясь, водитель первого мотоцикла сказал:

— Теперь, амиго, сиди здесь и жди. За тобой приедет одна сеньорита, зовут ее Инес, и с нею товарищ Теодоро. Считай себя спасенным, а нам надо торопиться, чтобы не оказаться в таком же комфортабельном автомобиле, из которого мы тебя только что вызволили. Салюд, компаньеро!

Спустя пять-семь минут к роще подъехала легковая машина марки «мерседес». Из нее вышла привлекательная девушка (позже я узнал, что ее зовут Инес Урибе) в сопровождении средних лет хорошо одного испанца. Они подошли ко мне и радостно приветствовали. Мужчина помог мне избавиться от наручников и дал костюм, в который я переоделся.

— Скажите, — спросил Ганин. — Вы уверены, что этот рослый испанец не видел мотоциклистов, и они также не видели ни его, ни Инес?

— В этом я абсолютно уверен, — ответил Галушин. — Я смотрел за удаляющимися мотоциклистами до тех пор, пока они не скрылись из виду.

— Что же произошло дальше?

— Испанец подвел меня к «мерседесу» и посадил на заднее сиденье, а сам сел за руль. Инес села рядом с ним. Незнакомец, которого Инес называла Эрнесто, завел мотор, и мы помчались с бешеной скоростью, к моему удивлению, обратно в Бургос. «В Бургосе вас наверняка не будут искать», — объяснила Инес.

Не доезжая Бургоса, я, по совету Инес, лег на пол машины, и мои друзья накрыли меня пледом. О том, что происходило дальше, я мог только догадываться. Вскоре мы остановились у ворот какого-то дома. Я слышал разговор между Инес и, видимо, слугой дома.

— Добрый вечер, сеньорита!

— Добрый вечер, Хосе. Гараж открыт?

— Да, сеньорита. Машину прикажете вымыть?

— Нет, Хосе, не нужно. Сейчас уже темно и, кроме того, мне нужно съездить еще в одно место. Иди отдыхай.

— Спасибо, сеньорита.

Мы въехали в гараж. За рулем сидела Инес. Эрнесто в машине не было. Он, очевидно, сошел около ее дома.

— Вы можете выйти из машины, — сказала Инес шепотом. — Там, в углу, на полке, есть кое-какая еда. Обязательно подкрепитесь. Вам предстоит довольно длинная прогулка. Свет я оставлю включенным, а гараж запру. Если необходимые для вас бумаги уже готовы, то через час мы сможем последовать дальше.

Инес вышла. Насчет бумаг мне тогда было неясно. Понял я все это позже. Спустя примерно полчаса в калитку гаража — она почему-то не была закрыта, видимо, Инес забыла это сделать, вошел мужчина. Увидев меня, он страшно удивился и даже не нашелся, что сказать. Сразу же вслед за ним появилась Инес.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она у него строго. — Почему ты не отдыхаешь? Зачем следишь за мной и моими любовниками?

— Извините, сеньорита. Я решил, что вы забыли погасить свет в гараже и поэтому вошел сюда. Ради бога, извините.

— Вот тебе, Хосе, деньги — и ты никого здесь не видел и ничего не знаешь. Понятно?

— Понятно, сеньорита. Спасибо вам.

С этими словами слуга, пятясь, вышел из гаража. Инес закрыла за ним калитку и подошла ко мне.

— Бумаги готовы. Садитесь, вернее, ложитесь в машину, поедем дальше.

— Постойте, — прервал рассказ Галушина Ганин. — Вы уверены, что никто, кроме Хосе, не видел вас в гараже?

— Да! Кроме слуги, в доме Инес меня никто не видел.

— Рассказывайте дальше.

— Мы выехали из гаража и быстро поехали по улице, — продолжал Галушин. — Немного спустя Инес остановила машину, и в нее снова сел Эрнесто.

Мы благополучно проехали весь город. Около развилки дорог остановились и вышли из машины.

— Моя миссия закончена, — сказала Инес. — Теперь продолжайте путешествие без меня.

С этими словами она поцеловала Эрнесто и сказала: «Побереги себя, милый». Потом обернулась ко мне и крепко пожала руку:

— Компаньеро, передайте привет героическому Мадриду и

героической Москве.

— Спасибо, Инес. Всю жизнь буду помнить вас, — сказал я.

— Не надо, — остановила она меня. — Я давно хотела посмотреть на советского человека. Это была моя мечта. Она сбылась. Лучшей награды мне не надо. А вот вам, действительно, большое спасибо: мы сражаемся у себя дома, а вы приехали издалека помочь нам в борьбе. На такие поступки способны лишь очень хорошие люди.

Инес села за руль и помчалась в обратную сторону.

Мы долго смотрели вслед «мерседесу».

О том, как мы с Эрнесто дошли до ближайшей остановки, сели в поезд и доехали до португальской границы, как я перебрался в Лиссабон, а оттуда в Париж, я рассказывать не буду. Об этом я неоднократно писал, когда возвратился в Москву.

— А какого вы мнения об Эрнесто? — спросил Ганин.

— Человек он надежный. Эрнесто — мой спаситель, как и Инес. Эрнесто сопровождал меня до Лиссабона. Без его помощи я не вернулся бы в Москву.

— Вот и мы так думаем. Таких людей ничто не сломает.

— Но почему, если не секрет, вы задаете мне этот вопрос? — спросил Галушин.

— Дело в том, что на другой день после вашего отъезда из дома Инес ее арестовали и посадили в тюрьму.

— Как же это могло произойти?

— Мы не знали ответа на этот вопрос до беседы с вами. Теперь все стало на свое место. На Инес донес слуга их дома — Хосе, тайный осведомитель полиции.

— И Инес до сих пор сидит в тюрьме?

— Нет, ее удалось освободить.

— Удивительно! — воскликнул Галушин. — Все это крайне удивительно!

— Скажите, — обратился он к Ганину, — а почему вы приняли такое активное участие в моей судьбе?

— Мы выполняли просьбу командования Республиканской армии.

— Право, я не думал, что обязан спасением своей жизни вам!

— Меньше всего мне. Из этого кабинета я не выезжал в течение всей операции. Если уж говорить, кому вы обязаны, так это майору Коваленко, вашему другу детства, который из Мадрида организовал всю операцию.

— Коваленко! — воскликнул Галушин. — Это невероятно!

— А собственно говоря, почему «невероятно»?

— Вы правы, — улыбаясь, сказал Галушин. — Ничего в этом невероятного нет. Коваленко — мой друг и товарищ.

Ганин встал.

— Еще раз простите, что нарушили ваш отдых. Вы сняли с наших плеч большую заботу. Спасибо вам, до свидания.

Галушин вышел. Ганин остался один. Некоторое время он ходил по кабинету, затем подошел к телефону.

— Андрей Агафонович? Это Ганин. Наши предположения оказались правильными. Донос сделал Хосе, все остальные люди вне подозрений. Операцию «Испанская сюита» можно начинать.

В. БЕЛОЗЕРСКИЙ
ПОДВИГ ПЯТОЙ ЗАСТАВЫ

Судьба пятой заставы Таурагенского пограничного отряда — это судьба многих застав, которым пришлось 22 июня 1941 года принять на себя первые удары гитлеровских полчищ. В ту пору граница шла по реке Неман, а затем круто сворачивала на север, отделяя от Советской Литвы захваченную гитлеровцами Клайпедскую область. Местность здесь глухая, лесистая. Песчаные дюны сменяются вековыми соснами, словно сошедшими со знаменитых шишкинских полотен.

За месяц до войны заставу перебросили в район хутора Бережницы, в заброшенный дом лесника. Тут разместили ленинскую комнату и поселились командиры. Сараи и амбары приспособили под кухню, склад боеприпасов, псарню. Для личного состава поставили у опушки палатку.

Участок заставы был беспокойным. Нарушения границы случались нередко. Наряды слышали на немецкой стороне гул машин, лязг железа, выкрики команд. Иногда пограничники, надежно замаскировавшись в укрытиях, видели по ночам темные,

расплывчатые силуэты немцев, подходивших к самой границе. Днем на той стороне постоянно наблюдались отблески стекол оптических приборов. В середине июня подозрительная возня у границы стала еще более заметной.

— Неужели война? — с тревогой спрашивали пограничники.

— Пока не война. Но мы должны быть готовы к любой неожиданности. Гитлеровцы на все способны, — отвечал политрук Родионов.

Застава получила приказ спать, не раздеваясь, не снимая подсумков, рыть окопы круговой обороны. Работа продвигалась медленно. Лопата легко углублялась в песчаный грунт, но рыхлые стенки окопов осыпались.

И вот настало 22 июня. Неспокойно на душе у пограничников. Одни спят чутким сном, другие бодрствуют, собравшись в палатке дежурного. В эту ночь на заставе дежурил Родионов. Еще вечером дозорные заметили, как немецкие солдаты цепями подходят к границе и залегают вблизи. Немцы подтянули танки и артиллерию. А что мы можем противопоставить этой лавине? Три десятка бойцов с несколькими пулеметами?

В два часа ночи заставу подняли по тревоге. Политрук Родионов и исполняющий обязанности начальника заставы младший лейтенант Тюренков распределили бойцов по участкам круговой обороны.

Петр Андреевич зашел в дом к жене.

— Слышишь гул? Если это война, здесь на нашей заставе, будет самое пекло.

— Если бы не Лидочка, никуда б не уехала отсюда, Петя, — ответила Вера Алексеевна, с тревогой глядя на мужа. — Была бы вместе с вами в окопах.

— Собирайся Вера, — перебил ее Родионов. — Ездовой довезет вас до шоссе, а там ловите попутный транспорт.

Политрук посмотрел на циферблат ручных часов и поспешно вышел. Стрелки приближались к четырем. Так и не успели соединить ходом сообщения передний окоп с тыловым. В системе обороны заставы не было даже дзотов с бревенчатым перекрытием.

Что произошло на пятой заставе в первые часы войны? Что случилось с ее защитниками?

Только через двадцать с лишним лет удалось приоткрыть эту, еще одну страницу из летописи героических подвигов советских пограничников. В музей пограничных войск в Москве пришел сорокалетний человек, назвавшийся Яковом Николаевичем Бессаловым, воспитателем школы-интерната из города Суджа

Курской области.

— Я был участником обороны пятой заставы, — сказал он. — Хотел бы поделиться воспоминаниями.

Бессалов испытал весь ужас гитлеровских концлагерей. Осенью 1944 года по доносу провокатора он был брошен в застенок гестапо. Его обвиняли в участии в подпольном движении сопротивления и саботаже на заводе «Ланц», где использовался труд пленных. Новые пытки, на этот раз самые изощренные и жестокие. И, наконец, «Дахау», страшный лагерь смерти. И только в августе 1945 года пришло долгожданное освобождение.

Яков Николаевич энергично стал разыскивать других участников обороны заставы, завязал переписку с их родными. Ему удалось разыскать бывшего сержанта Котляра, работающего в Харькове, вдову политрука Родионова — Веру Алексеевну, проживающую в Москве. Свидетельства двух живых участников обороны — Котляра и Бесеалова, рассказы местных жителей, а также раскопки, произведенные на месте боя, позволяют теперь воссоздать картину обороны заставы 22 июня 1941 года.

Вот что вспоминает Яков Бессалов.

— В час ночи мы втроем вышли на левый фланг участка на охрану границы. Было тихо. Вдруг на той стороне, где-то далеко, гулко ухнул одинокий орудийный выстрел. Над лесом взвились ракеты. Не успели они погаснуть, как от грохота пушечных залпов содрогнулась земля. Затрещали пулеметы. Левее нас послышались одиночные выстрелы и короткие очереди из автоматов: там наши наряды вступили в неравный бой. Война!

Наряды, отстреливаясь, отходили к заставе и занимали круговую оборону. Противник не заставил себя ждать. По лесу двигались плотные цепи гитлеровцев. Они держались самоуверенно, шли во весь рост, горланили и беспорядочно палили из автоматов. По дороге со стороны границы неслись мотоциклисты.

Над поляной уже свистели первые пули, когда со двора заставы выехала тачанка, запряженная парой лошадей. В тачанке были ездовой, Вера Алексеевна с маленькой дочкой на руках и жена Тюренкова. Женщины махали руками пограничникам и кричали:

— Держитесь… Прощайте…

Тачанка скрылась за поворотом. В лесу долго еще слышался грохот колес по щебню и плач ребенка.

Забегая вперед, скажем, что Вера Алексеевна только в сентябре 1941 года, после тяжелых мытарств, смогла добраться до Наро-Фоминска, где жили родные мужа. Вскоре умерла Лидочка.

…Политрук и младший лейтенант Тюренков обходили цепи бойцов.

— Нас мало. А перед нами — хорошо вооруженный враг! — говорил Родионов. — Не хочу обнадеживать вас. Но мы должны выполнить до конца наш долг, задержать врага, пока не придет помощь или приказ отойти.

Не ожидали фашисты дружного огня пограничников. Дрогнули их цепи. Гитлеровцы залегли, потом короткими перебежками, прячась за деревья, стали отходить в глубь леса. Меткая пулеметная очередь сержанта Котляра скосила четырех мотоциклистов. Но тотчас на заставу обрушился минометный и пулеметный огонь. Началась новая атака.

Немцы выкатили на дорогу, по которой безуспешно пытались прорваться мотоциклисты, пушку для стрельбы прямой наводкой. Но сержант Игнатенко уничтожил пулеметной очередью весь расчет раньше, чем пушка смогла выстрелить. Ударила вражеская артиллерия с закрытых позиций. Гулко перекатывалось по лесу эхо. Содрогалась земля. Снаряды рвались вокруг поляны и на бугре, взметая песчаные смерчи.

Защитники понесли первые потери. В переднем окопе среди раненых оказался и младший лейтенант Тюренков. Командование принял политрук Родионов.

Артиллерийский огонь утих.

— Сейчас гитлеровцы снова пойдут в атаку, — крикнул политрук. — Приготовить гранаты!

Опять на опушке леса показались вражеские цепи. Теперь уже гитлеровцы не казались такими самоуверенными и не галдели. Они двигались, низко пригнувшись и маскируясь за стволами сосен и кустарником. Не один десяток вражеских трупов остался на земле.

Враг оттянул свои цепи далеко в лес, и вновь ударила артиллерия.

— За мной, — крикнул политрук и, выскочив из окопа, бросился в лес, вслед за отступающими немцами. Родионов понимал, что единственное спасение людей сейчас в том, чтобы покинуть окопы и прижаться к врагу.

Опасения политрука подтвердились. Вражеские снаряды кучно ложились на поляну, попадали в окопы. Но люди были уже в лесу, впереди. Маневр Родионова на этот раз спас жизнь бойцам. Через полчаса артиллерийский огонь прекратился.

— Всем в окопы! — передал по цепи команду политрук.

Пограничники возвращались в окопы и не узнавали их. Некоторые были вовсе сравнены с землей, стенки обвалились, зияли воронки. Но не было времени, чтобы пустить в ход лопаты

и надежно окопаться. По лесу вновь наступали цепи гитлеровцев, охватывая теперь заставу с флангов.

— Немцы в тылу, товарищ политрук, — доложил Ибутаев, наблюдавший за лесом.

С пронзительным визгом шлепались мины, разбрасывая во все стороны осколки. Был убит Ибутаев, тяжело ранен пулеметчик Дворжак. Редели ряды защитников. От тяжелой раны умер у пулемета сержант Игнатенко. Были убиты еще несколько бойцов. Особенно много жертв было в переднем окопе. Но живые продолжали неравный бой. Место погибшего сержанта Игнатенко занял у пулемета политрук Родионов.

А кольцо гитлеровцев сильнее стягивалось вокруг заставы. Они кричали:

— Рус, сдавайся!

На левом фланге загорелся лес. Пахло гарью, трещала хвоя. Становилось тяжело дышать. Упал без сознания раненный в голову сержант Златин.

Теперь приходилось яростно отстреливаться и бойцам тылового окопа. Пулеметчики Григорьев и Стреблянский, сержант Котляр, рядовые Харитонов, Быстряков, Даутов, Воробьев, Козовякин, Сисин, Бессалов вели огонь по врагам, обходившим заставу с тыла. И вот свист снаряда. Оглушительный разрыв. Упал на дно окопа смертельно раненный Харитонов, ранен в челюсть Быстряков.

Политрук Родионов продолжал расстреливать в упор гитлеровцев, пока не кончилась последняя лента. Тогда он дал команду оставшимся в живых защитникам отойти в лес, но бойцы тылового окопа не смогли услышать слова команды: связь давно была прервана. Бросив бесполезный теперь пулемет, политрук побежал, пригибаясь, через дорогу, к опушке. Вражеская пуля настигла его раньше, чем Родионов смог укрыться в лесу. Рядом погибли еще трое бойцов.

А тыловой окоп все еще продолжал отстреливаться и отбиваться гранатами. Но вот в него залетела вражеская граната с длинной деревянной ручкой и упала под ноги Григорьеву. Он попытался схватить ее, чтобы выбросить из окопа, но не успел. Стреблянский, увидев убитого товарища, в отчаянной ярости прижался к щитку пулемета. Но и он погиб, прошитый автоматной очередью.

Вот что вспоминает Бессалов о последних минутах обороны:

— Обрушившаяся стенка окопа прижала меня к земле. Воробьев бросился к куче песка, разгреб ее руками, но я лежал уже без движения. Немного поодаль, вытянувшись во весь рост, лежал убитый Козовякин. Здесь же, в изгибе окопа, погиб и

Даутов. В 13 часов застава пала, а вокруг в окопах лежали трупы комсомольцев-пограничников. Они не сделали ни шагу назад.

Котляр дополняет воспоминания Бессалова:

— Нам приходилось все труднее, но мы не отступали. Я бил из своего «Максима» по флангу. Амортизаторы полопались, кожух пробит, ленты на исходе. Вражеская пехота отошла, и фашисты решили сравнять нас с землей, открыли беглый огонь из пушек и минометов…

Когда артиллерийский огонь прекратился, гитлеровцы смогли занять заставу. В полузасыпанных песком окопах они нашли кроме трупов лишь несколько оглушенных, тяжелораненых советских пограничников.

К окопу подошел гитлеровский офицер и сказал что-то хриплым голосом сопровождавшим его автоматчикам. Те бросились вытаскивать из окопов уцелевших пограничников. Офицер ткнул пальцем в петлицу Котляра и спросил на скверном русском языке:

— Вы есть сержант? Вы мне будет говорить правду. Здесь был по крайней мере батальон. Куда ушли остальные?

— Можете искать подземный ход, — угрюмо ответил Котляр, чувствуя, что теряет сознание.

Офицер досадливо махнул рукой и прохрипел что-то другому офицеру, пожилому, мешковатому, и удалился в сопровождении автоматчиков. Мешковатый, больше похожий на конторского служащего, был назначен начальником конвойной команды: Котляр, Воробьев, Ульянов и Кириенко попросили его разрешить похоронить погибших товарищей и получили согласие. Может быть, этот офицер, в отличие от большинства своих собратьев не был лишен некоторого понятия о воинской чести и проникся уважением к стойкости и мужеству советских пограничников. Так, на поляне, изрытой воронками и вспаханной осколками снарядов, появились две братские могилы.

В ноябре 1962 года на месте гибели заставы были произведены раскопки. Принимал участие в раскопках и Бессалов. Домика лесника и других строений не сохранилось. На их месте рос молодой сосняк.

С волнением пограничники находили в песке тронутые временем и ржавчиной патроны, гранаты, предметы солдатского обихода. Вот извлекли петлицу политрука с тремя кубиками, перочинный нож, часы. Потом нашли истлевшие остатки кармана солдатской гимнастерки с авторучкой и тремя наганными патронами. По всей вероятности, авторучка и патроны принадлежали одному из сержантов, так как наганами в качестве личного оружия обычно пользовался только сержантский состав.

Недавно, по ходатайству пограничников Прибалтики и местных органов власти, имя политрука Петра Андреевича Родионова было присвоено одной из застав.

А. ЛУКИН
БЕССТРАШИЕ

Примерно за год до начала великой битвы на Курской дуге с одного из подмосковных аэродромов уходили в ночное небо тяжелые транспортные самолеты. За линией фронта в глубоком тылу противника отделялись невидимые с земли парашютисты. Среди них находились чекисты Владимир Григорьевич Фролов, Виктор Кочетков, Постоногов и другие добровольцы. В составе шестой по счету группы оставили борт самолета полковник Медведев и автор этих строк — его заместитель по разведке.

Вскоре все группы собрались, с боями прошли в заданное место и обосновались в лесах под Ровно.

Первое время этот отряд особого назначения старался ничем себя не обнаружить, но зато с нарастающим упорством и настойчивостью разведчики отряда, как и других партизанских

групп, все глубже проникали в логово врага.

…С утра до вечера по улицам Ровно сновали немецкие офицеры всех родов войск и званий, чиновники различных ведомств, понаехавшие из Германии коммерсанты. Время от времени в толпе попадались мундиры гестаповцев, мелькали повязки полицейских. По городу круглые сутки шныряли шпики в штатском. К вечеру улицы пустели. Местные жители с наступлением темноты не имели права выходить из домов, а новые «хозяева» устремлялись в увеселительные заведения. В ресторанах и казино с шумом взлетали в потолок пробки от трофейного французского шампанского, пьяно галдели тыловые офицеры. На зеленых столах шла крупная игра. Играли на деньги, пахнувшие кровью, заработанные грабежами и насилием.

В ресторане «Дейче гофф» самой красивой официанткой считалась Лидия Лисовская. С виду ей было лет двадцать пять. Гибкая, стройная фигура. Гордое, будто точеное лицо, большие серо-голубые глаза. Великолепные пышные волосы цвета спелой ржи. Было известно, что она вдова польского капитана, говорили — даже графа. И это льстило ее тщеславным поклонникам — сынкам мюнхенских пивоваров и берлинских лавочников, ставших гитлеровскими офицерами.

Иногда за Лидией заходила ее двоюродная сестра Мария Микота, или просто Майя, тоже красавица, хотя и не похожая на сестру — худощавая, живая, с красивыми зелеными глазами.

Майя и Лидия жили вместе в трехкомнатной квартире с балконом по улице Легионеров, 15. Только их самые верные поклонники бывали в этой квартире. Со временем здесь составилась постоянная компания: несколько офицеров, кое-кто из видных чиновников немецких учреждений. Веселились, танцевали под патефон, рассказывали анекдоты, играли в карты. Постоянные посетители зачастую приходили с приезжими друзьями — офицерами, следующими через Ровно с фронта и на фронт. Своим человеком в доме был и обер-лейтенант Пауль Зиберт. Ему приходилось бывать в Ровно по делам службы каждые две-три недели. И, чтобы не мотаться по военным гостиницам, он снял у Лисовской комнату. Человек он был воспитанный, интересный, живал не больше, чем по неделе, а платил сразу за целый месяц. Хозяйки были довольны жильцом.

Присутствие двух красивых женщин, музыка, вино развязывали языки. Никто из посетителей этого гостеприимного дома не догадывался, что их очаровательные хозяйки являются агентами немецкой службы безопасности СД, в обязанности которых входило регулярно сообщать шефам о настроениях в офицерской среде, о крамольных разговорах и тому подобном.

Но в свою очередь и руководителям ровенского гестапо не было известно, что Лида и Майя на самом деле являются глубоко законспирированными советскими разведчицами из отряда Медведева. И только один из немецких офицеров — Зиберт — знал о сложной игре этих двух красивых сестер, которые даже не подозревали, что этот блестящий гестаповский офицер является Николаем Ивановичем Кузнецовым, и относились к нему так же, как к любому немецкому офицеру.

О существовании Лиды и Майи в самом отряде было известно лишь очень ограниченному кругу лиц. Регулярно в их доме бывал лишь Николай Гнидюк. Его знали на ровенском черном рынке как крупного спекулянта — пана Яна Багинского. Впрочем, эту славу Коля заслужил отнюдь не своими способностями коммерсанта, которыми он не обладал, а благодаря наличию всегда туго набитого бумажника. Трофейных денег в отряде Медведева было сколько угодно.

Каждые три-четыре дня мы получали от Лидии и Майи очень ценную информацию. Особенно интересным оказалось содержание нескольких разговоров, имевших место в их квартире в мае — июне 1943 года.

— Нет, пани Лидия, — вальсируя, рисовался перед Лисовской высокий надушенный капитан, — эта Россия все таки дикая страна. О, разумеется, — он галантно поклонился, — в ней встречаются красивые женщины, но все-таки попасть сюда после Парижа… Согласитесь, это ужасно.

— Чем же вы провинились, Людвиг, что вас наказали поездкой на восточный фронт?

— Решительно ничем. С Елисейскими полями пришлось распроститься всем моим сослуживцам. Командир моего батальона майор Кун, когда узнал, что пришел приказ отправиться в какой-то Белгород, так напился, что выпал из автомобиля. Бедняга до сих пор в госпитале.

В другом углу комнаты Майя сочувственно выслушивала излияния грузного танкиста.

— Мои друзья уже давно командуют батальонами, а я все сижу на роте.

— А почему?

— Да разве можно отличиться, когда уже второй год топчемся на одном и том же месте! Но уж теперь я не упущу случая и привезу после Орла «дубовые листья»…

— А что это значит: «дубовые листья»? — спросила Майя.

— О, это самая высокая рыцарская награда, которую вручает сам фюрер за особые боевые подвиги.

А еще один танкист пил на брудершафт с Кузнецовым.

— Где ты так загорел, — как бы невзначай спросил Кузнецов своего собутыльника, — на каком курорте?

— Хорош курорт! — ответил тот. — Хотел бы я поглядеть на тебя после того, как ты пожарился бы год под африканским солнцем. Нет, что ни говори, пустыня — это не место для белого человека. Кстати, ты говорил, что тебя зацепило под Курском. Не дашь ли адресок какой-нибудь красотки?

Тут же он рассказал Кузнецову, как их дивизия добралась наконец из далекой Африки на восточный фронт.

Три упомянутых разговора и некоторые другие сведения, которые методически и скрупулезно собирались в отряде Медведева, позволили установить, что:

из Франции в Белгород передислоцируется пехотная дивизия;

из-под Ленинграда на Орел кружным путем следует танковая дивизия;

с африканского театра военных действий немцы перебрасывают под Курск свои танковые части.

Сообщив обо всем в Москву, наш отряд усилил разведку, в первую очередь на транспорте и линиях связи. И тут особую роль суждено было сыграть действовавшему под руководством нашего отряда партизанскому подполью в небольшом городке Здолбуново под Ровно.

Ядро подполья составляли замечательные советские патриоты Дмитрий Красноголовец, братья Михаил и Сергей Шмереги, жена Михаила — Анастасия, Петр Бойко, Леонтий Клименко, Константин Шорохов.

Немцы не имели покоя в Здолбунове. Взрывались эшелоны с живой силой и техникой, полыхали склады, падали под меткими выстрелами народных мстителей немецкие палачи.

В мае 1943 года командование отряда передало подпольщикам задание: усилить наблюдение за Здолбуновским железнодорожным узлом, к которому сходились пути от Львова, Ровно, Шепетовки, Ковеля. До сих пор контролю наших разведчиков подвергались лишь поезда, останавливающиеся в Здолбунове. Составы же, миновавшие станцию без остановки, оставались вне наблюдения.

Надо было найти пути к надежному источнику получения сведений о работе Здолбуновского узла. И это осуществил партизан-подпольщик, скромный комсомолец Авраамий Иванов.

Судьба забросила его на эту станцию после окружения, в которое он попал в 1941 году. Он работал уборщиком на путях. Подпольщики давно обратили внимание на этого малоразговорчивого человека, но принимать в свою среду не спешили. Кое-кто находил Иванова слишком угрюмым и

настороженным. Наконец произошел разговор начистоту, и Иванову предложили вступить в подпольную организацию. И чекисты не ошиблись.

— Конечно, я согласен выполнить любое задание, — сказал он Гнидюку, который вел с ним разговор.

Авраамий оказался одним из лучших разведчиков отряда. Ему удалось достать бесплатный проездной билет и раздобыть пропуск, дающий право проезда даже на товарных поездах. Почти ежедневно, невзирая ни на какую погоду и усталость, голодный, в плохонькой одежонке, Иванов садился в поезд, ехал до станции Клевань, а оттуда уже пешком отмеривал четыре километра до «зеленого маяка» — партизанского поста в лесу. Там он отдавал донесения дежурным бойцам и сразу же отправлялся в обратный путь. Рано утром он обязан был с точностью до минуты явиться на работу.

Однажды во время такого приезда он вручил мне пакет, а сам скромно отошел в сторонку. Я вскрыл пакет и обомлел. В руках у меня был отпечатанный под копирку совершенно секретный документ — экземпляр ежедневной оперативной сводки о прохождении эшелонов через Здолбуново. Сводка содержала сведения о каждом составе. Последующая проверка полностью подтвердила достоверность этих материалов. Как оказалось, Авраамий сумел привлечь к разведывательной работе военного оператора станции — чеха из Судет по имени Иозеф, который по документам считался немцем. Он был убежденным антифашистом и охотно согласился помогать партизанам. В служебные обязанности Йозефа входило печатать на машинке в двух экземплярах совершенно секретные сводки прохождения через станцию Здолбуново всех эшелонов. Один экземпляр предназначался для коменданта станции, второй — начальнику военных сообщений гитлеровской армии. Теперь Иозеф стал закладывать в машинку третий экземпляр.

На протяжении нескольких месяцев Иванов ежедневно доставлял в отряд эти ценные данные. Они оказались полезными для достойной подготовки Советской Армии к встрече немецкого наступления под Курском.

Уже полыхала огнем курская земля, когда мы получили из Москвы лаконичный приказ: любой ценой уничтожить двухколейный железнодорожный мост через реку Горинь между Здолбуново и Шепетовкой. Повреждение моста прервало бы снабжение фашистской армии в самое трудное для гитлеровцев время — в разгар наступления. Это была нелегкая задача. Мост охраняла усиленная рота. Кругом торчали зенитки. Наши разведчики насчитали несколько замаскированных минометных

батарей и до двадцати пулеметных гнезд. Ни о каком лобовом заходе не могло быть и речи. Тогда решили сбросить на него мину прямо с поезда. Для этого требовался снаряд большой разрушительной силы, весом 40–50 килограммов. Выполнение операции было поручено Николаю Гнидюку.

Однажды Гнидюк зашел к одному из подпольщиков — Владеку Пилипчуку. Там находилась его младшая сестра Ванда. Это была веселая крепкая девушка семнадцати лет, всегда охотно и добросовестно помогавшая подполью. На этот раз у нее был гость. Расстегнув тесный мундир, за накрытым столом в комнате сидел сорокалетний гестаповец — поляк Генек Ясневский, сотрудник специального отдела гестапо по охране железнодорожных объектов.

Как и всегда, Гнидюк, не растерявшись, вежливо поклонился и представился:

— Ян Багинский, двоюродный брат пани Ванды.

Ванда, разумеется, пригласила «брата» к столу, и тут же Николай постарался как следует напоить гостя. Ясневский, хмелея, впадал в воинственную хвастливость. Николай громко выражал ему свое восхищение и с глубоким пониманием сочувствовал его тяжелой службе. Гестаповец вскоре еще больше размяк.

— Вообще, пан Багинский, — зашептал он Николаю, — я не очень люблю немцев. Я добрый поляк и католик, как и вы. Это все из-за грошей. Но и голову потерять из-за грошей я тоже не хочу.

Вскоре Гнидюк получил разрешение использовать влюбленность Ясневского в Ванду для получения от него необходимой информации. Сведения он приносил очень ценные. Особенно важно было, что мы точно знали даты облав, ночные пароли, расположение секретных постов. Имена и адреса некоторых секретных агентов.

По мере втягивания Ясневского в нашу работу и закрепления его встал вопрос об использовании его возможностей для взрыва интересующего нас моста. Ясневский подобрал для этой цели проводника Михаля Ходаковского из фольксдейча, который согласился за двадцать тысяч оккупационных марок при переезде через мост сбросить мину с тамбура своего вагона.

Однажды утром Ванда появилась на улице Ивана Франко. Она поднялась на крыльцо, постучала. Дверь открыла худощавая женщина — Анастасия Шмерега. Она хмуро спросила: «Что нужно?» В ответ последовал пароль:

— Это у вас продается новое платье?

Анастасия ответила:

— Да, вам оно, пожалуй, подойдет, заходите.

В комнате с зашторенными окнами находилось трое мужчин — братья Шмереги и Дмитрий Красноголовец. Девушке указали на большой коричневый чемодан.

— Донесешь?

— Донесу, конечно, — беззаботно сказала Ванда и взялась за ручку. Но… чемодан чуть не выпал: в нем было добрых три пуда. Мужчины понимали, что мина — слишком тяжелый груз даже для такой крепкой дивчины, как Ванда. Но пронести смертоносный груз через весь город должна была именно эта молоденькая женщина. Крепко зажав во вспотевшей руке кожаную ручку, девушка решительно шагнула к двери.

На улице Ванда невольно зажмурилась от слепящих лучей солнца. На секунду ей даже показалось, что они насквозь пронизывают фанерные стенки чемодана, раскрывая перед всем городом тайну его содержимого. Но она шагала, не меняя руку до той поры, пока чемодан чуть не выпадал из пальцев, делая вид при этом, что она несет обычный, не особенно тяжелый чемодан с вещами.

Ванда знала, что впереди, сзади, боковыми улицами неотступно идут незнакомые ей вооруженные люди, готовые при первой тревоге защитить и ее, и груз.

Вдруг раздался резкий мужской голос, который словно толкнул ее в грудь:

— Могу я просить панну об услуге?

Широко расставив ноги в высоких лакированных сапогах, перед ней стоял немецкий капитан с несколькими орденами на груди. Из-под козырька низко надвинутой фуражки на Ванду в упор смотрели светлые немигающие глаза. У Ванды во рту пересохло. С трудом она изобразила на лице нечто вроде улыбки. А офицер спросил:

— Как пройти на Длугу улицу?

Ванда объяснила. Небрежно поблагодарив, капитан зашагал перед ней. Взглянув на обтянутую узким мышиным френчем спину немца, девушка облегченно вздохнула.

Так Ванда Пилипчук первый и последний раз в своей жизни встретилась с Николаем Ивановичем Кузнецовым, который по нашему указанию специально приехал в Здолбуново, чтобы выручить Ванду из беды в том случае, если этого не сможет сделать партизанская охрана. Для такого случая в кармане его общеармейского офицерского френча находилось мощное оружие — металлический овальный жетон особо доверенного сотрудника гестапо.

Чемодан со взрывчаткой был благополучно доставлен по назначению. Здесь он попал в квалифицированные руки Гнидюка

и Жоржа Жукотинского, которые окончательно снарядили мину.

Они передали его Генеку Ясневскому, а тот на следующее утро вручил Михалю Ходаковскому в присутствии Ванды.

Михаль Ходаковский, несмотря на некоторые опасения, выполнил свое обещание: 12 августа 1943 года в два часа дня, когда эшелон проходил сквозь тесный гулкий пролет железнодорожного моста через реку Горень, он столкнул чемодан на рельсы.

Спустя некоторое время раздался взрыв. Одна ферма рухнула вниз. Хвостовые вагоны поезда с грохотом полетели в реку вместе с гитлеровскими офицерами и солдатами, танками и орудиями, спешно отправляемыми на восточный фронт.

Две недели гитлеровцы растаскивали обломки моста и вагонов. Поначалу гестапо решило, что диверсию совершили солдаты из охраны моста, разбежавшиеся от страха по окрестным селам. Их стали вылавливать и расстреливать на месте. Но потом гитлеровцы напали на правильный след. Михаль Ходаковский, обожженный при взрыве, попал в госпиталь. Там его угостили водкой, и он проговорился, что взрыв — дело его рук. Гестаповцы ринулись искать соучастников, но всех, кого следовало, мы уже переправили в лес.

Задание Москвы было выполнено.

По-разному сложились судьбы людей, принимавших участие в проникновении в «Цитадель», как назвал Гитлер операцию по подготовке наступления в районе Курска — Белгорода.

Погиб смертью героя легендарный разведчик Николай Кузнецов. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Погиб при освобождении города и славный подпольщик Леонтий Клименко.

Николай Акимович Гнидюк много лет был первым секретарем райкома КПУ, одного из передовых на Львовщине, — Сокальского района, избирался делегатом исторического XXII съезда КПСС. Сейчас он — заместитель председателя Львовского сельского облисполкома.

Ванда Пилипчук живет в Москве. У нее теперь другая фамилия. Она стала женой славного разведчика и боевого комбата из отряда Медведева — Владимира Ступина. Брат Ванды — Владек, сестра Марися и зять Жорж Жукотинский после окончания войны переехали в Польскую Народную Республику. Большинство участников Здолбуновского подполья до сих пор живет и работает в родном городе. Дмитрий Михайлович Красноголовец заведует мастерской в Здолбунове, Петр Бойко — заготовительной конторой. Братья Шмереги работают на железной дороге.

Не дожил до радостного дня освобождения Авраамий Иванов. В конце 1943 года, окруженный в своей хибарке отрядом жандармов и полицейских, Иванов долго отстреливался, — нескольких убил. Будучи тяжело раненным, пытался последней пулей покончить с собой. Истекающего кровью, его бросили в кузов грузовика и привезли в гестапо. Там он выдержал самые чудовищные пытки, но не проронил ни слова.

Уже после освобождения Львова Советской Армией погибли от рук фашистских подлых убийц замечательные разведчицы Лидия Лисовская и Мария Микота, так и не успев получить заслуженные ими ордена Отечественной войны.

М. ПРУДНИКОВ, *Герой Советского Союза*
НЕУЛОВИМЫЕ ДЕЙСТВУЮТ

Теперь мы там пошуруем! — сказал Павел Алексеевич, потирая руки от удовольствия. — Понимаете, что это значит: иметь своего человека в полиции!

Начальник разведки нашей партизанской бригады, действовавшей в оккупированной немецко-фашистскими войсками Белоруссии под названием «Неуловимые», Павел Алексеевич Корабельников приложил много усилий, чтобы проникнуть в полоцкую полицию. И наконец пришло сообщение от одной из наших подпольщиц: «Задание выполнено».

Заброшенный домик лесника близ Полоцка был удобным местом для конспиративных встреч. Летней ночью 1942 года мы с Корабельниковым и Николаем Щенниковым, заместителем начальника штаба бригады, тихо подошли к своим партизанам, которые тайно присматривали за домиком. Они доложили, что

туда только что вошли две женщины. В комнате нас ожидала разведчица Анна Наумовна Смирнова. С ней была та смелая женщина, которой удалось проникнуть в полицию. Увидев нас, увешанных оружием, бородатых, она поднялась, несколько смущенно подала маленькую руку:

— Лиля Костецкая, учительница.

— Рады вас видеть. Давно хотел познакомиться, — сказал я.

Лиля во всех деталях описала внешность и манеры своего шефа — немецкого офицера Мюллера, вспомнила некоторые брошенные им вскользь замечания. Все говорило о том, что Мюллер, очевидно, антифашист, однако тщательно это скрывает и ведет себя очень осмотрительно.

Мы посоветовали Костецкой проверить ее впечатления о Мюллере и как-нибудь осторожно испытать его.

— Среди немцев могут быть и противники Гитлера, — сказала Лиля. — Ведь среди них есть антифашисты.

— Вы правы, — согласился Корабельников. — И коммунисты есть, и подпольщики-антифашисты. Но Мюллер — полицейский офицер. Не попадитесь на крючок.

Было решено в переписке называть Мюллера «Инициатором».

Дальнейшие отношения Лили Костецкой с «Инициатором» развивались сложно. Подробности передавала в бригаду Смирнова. Постепенно у нас росла уверенность в том, что в лице Мюллера мы приобретаем человека, готового помогать партизанам и Красной Армии.

Ни жены, ни детей у Мюллера не было, но он любил своих сестер, показывал Лиле их фотографии и был возмущен одной мыслью о том, что их могли бы угнать куда-нибудь в Голландию или во Францию.

— Каждый человек должен любить свою отчизну, — как-то в минуту откровенности сказал он Лиле, — поэтому мне понятна ваша ненависть к нам, пришедшим на вашу землю. Но не все немцы одинаковы. Есть убежденные фашисты, есть бездумные автоматы — исполнители чужой преступной воли. Но есть и такие, которые настроены против этой войны, против зверств, против Гитлера.

С каждой беседой Лиля становилась смелее и однажды спросила круто: есть ли в Германии коммунисты?

— Конечно есть. За ними охотится гестапо. Вот и вы можете пойти в гестапо и рассказать о наших беседах. Тогда мне конец.

— Разве вы коммунист?

— На мне, фрейлен Лиля, офицерский мундир. Мое положение сложнее, чем вы думаете. — Улыбнувшись, он добавил: — Считайте меня своим другом, а я постараюсь доказать

это.

По нашему совету Лиля попросила Мюллера помочь «одной своей знакомой». Ей нужно было поставить на паспорте штамп с указанием роста, цвета глаз, волос и других особых примет. Мюллер выполнил просьбу. Тогда Лиля попросила у Мюллера справку на имя одного из наших разведчиков. Офицер такую справку выдал. Не спрашивая ни о чем, он сделал отметку о прописке, поставил штамп и круглую печать.

Со второй половины 1942 года оккупанты ввели так называемые «аусвайсы» — удостоверения личности. На листе плотной желтоватой бумаги указывались имя, фамилия, возраст и место рождения. На другой странице записывались особые приметы. «Инициатор» по просьбе Лили выдал ей несколько бланков аусвайсов, которые очень пригодились нам в разведывательной работе. Гитлеровские патрули к таким документам относились с полным доверием.

Через некоторое время мы посоветовали Костецкой более открыто поговорить с Мюллером. Однажды вечером, когда все служащие уже разошлись, Лиля зашла в кабинет к Мюллеру и после нескольких малозначащих фраз, как бы между прочим, сказала:

— Выходит, герр гауптман, что мы делаем с вами одно дело.

— Да, фрейлен Лиля, это так.

— А вы не боитесь, что помогаете русским партизанам?

— Боюсь, — откровенно признался он, — но, если говорить прямо, я хочу и буду делать то, что велит мне совесть настоящего немца, не зараженного фашизмом.

— Значит, мы поняли друг друга?

— Уже давно. Только у меня есть к вам просьба. Передайте товарищам, что мне не стоит открыто переходить на вашу сторону. Здесь я буду полезнее.

Мы сообщили в Москву, что в полоцкой полиции теперь работают два наших разведчика — учительница Лиля Костецкая и немецкий офицер Карл Мюллер. В ответ последовало указание: «Неуловимому. Поручите вашим людям добыть возможное количество чистых бланков паспортов и аусвайсов».

Как выполнить это задание? Полицейские, несомненно, ведут строгий учет всех документов. Исчезновение такого количества бланков легко обнаружить, Костецкая и Мюллер попадут под удар. Несколько дней я, комиссар Борис Львович Глезин и Корабельников думали, как без особого риска добыть документы. Советовались с секретарями Полоцкого подпольного райкома партии Николаем Акимовичем Новиковым, Георгием Сергеевичем Петровым и, конечно, с Анной Смирновой, а через нее с Лилей и

Мюллером. Выход нашла сама Лиля.

— Устроим в помещении паспортного стола небольшой взрыв и этим прикроем недостачу документов. Я сделаю все сама. Дайте мне, что нужно, и научите, как действовать…

Мы передали Лиле две гранаты с капсюлями, бикфордов шнур, головую шашку и немецкие солдатские сапоги. Заложив гранаты, Лиля должна была надеть сапоги, незаметно выйти из здания и направиться в сторону солдатских казарм. Таким приемом мы рассчитывали сбить с толку гестаповцев, которые примчатся к месту взрыва с собаками.

Паспортный отдел полоцкой полиции размещался на улице Карла Маркса в двухэтажном доме. Специальной охраны не было, только ночью патрули каждые полчаса ходили вокруг дома, освещая его фонарями.

У Лили был ночной пропуск. Пользуясь темнотой, она подошла к зданию паспортного отдела и проникла в помещение, где стояли шкафы с документами. Взяла из разных папок несколько десятков чистых бланков, спокойно подложила тол, гранаты, вставила запалы, подожгла бикфордов шнур. Надев сапоги, Лиля выбежала на улицу и пошла к немецким казармам.

Взрыв произвел настоящий переполох. Гитлеровцы оцепили улицу. Собаки взяли след в сторону казарм и там закружились. Несколько месяцев гестапо тщетно искало диверсантов. А «неуловимые» тем временем вовсю пользовались добытыми паспортами и аусвайсами; тридцать комплектов мы отправили в Москву, а несколько штук, прихваченных Лилей сверх задания, заполнили фамилиями и приметами наших людей. Мюллер оформил их прописку, и это дало возможность разведчикам беспрепятственно разъезжать по оккупированной территории.

У Мюллера скапливались паспорта и аусвайсы умерших граждан. Теперь они попадали в наши руки. Все штампы и пометки о прописке уже были сделаны давно, и оставалось только менять фотографии и аккуратно подчищать год рождения. Такие документы брали с собой, уходя на задание.

Лиля и Мюллер обеспечивали документами не только разведчиков, но и бежавших военнопленных, местных жителей и многих советских людей, которым угрожала опасность.

С начала войны в Полоцке застряла группа наших медсестер. Со дня на день их могли угнать в Германию. Анна Смирнова попросила Лилю помочь им. Через несколько дней Лиля вручила Смирновой документы, оформленные в полиции, и девушки благополучно выбрались из Полоцка, а потом перешли линию фронта.

Костецкая и Мюллер доставляли важные секретные сведения

о намерениях гитлеровского командования, выявляли предателей, работавших на гестапо. Особо ценным было их сообщение об операции «Нюрнберг».

Узнав от Мюллера об этой операции, Лиля решила немедленно известить нас. Но как это сделать? Анны Смирновой в городе не было. Лиля решила прибегнуть к помощи связной — зубного врача Ксении Смирновой. Она расковыряла себе десну и с кровоточащей раной пришла на прием. В ожидании очереди Лиля заметила что за ней пристально следит один из пациентов. Она сразу же шепнула об этом Ксении, как только села в кресло.

— Ничего, успокойся. Справимся, — сказала Ксения. — Я знаю этого подлеца, он здесь не впервой.

Лиля держала во рту, прижав языком, записку на папиросной бумаге. В ней она просила врача сообщить партизанам о готовящейся немцами карательной экспедиции. Прочитав записку, Ксения снова положила бумажку под язык и молча кивнула: она передаст сообщение «неуловимым».

Мы беспокоились за Лилю Костецкую. Ее жизнь каждую минуту была в опасности. И хотя она была нам очень необходима в аппарате полиции, мы предложили Лиле покинуть полицию. Но она отказалась, пренебрегая опасностью. Вместе с Костецкой в паспортном столе служила некая Ефременко. Ее завербовало гестапо для слежки за служащими городской управы и полиции. Ефременко пыталась заводить с Лилей провокационные разговоры, но Лиля была настороже.

И все-таки предательница выследила Лилю. Девушка сочиняла стихи и частушки, в которых обличала зверства гитлеровцев, и записывала «для души» стихи советских поэтов. Ефременко нашла однажды в кармане ее пальто листок со стихотворением:

Тот, кто нынче неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ,
Тот, кто что-то делать может,
Тот, конечно, нам поможет
В том краю, где он живет…
Школы новые откроем,
Все почистим и помоем,
Сорвем Гитлера портрет!..

Ефременко передала листок начальнику полоцкой полиции Альберту Обуховичу, а тот, минуя Мюллера, отправился в гестапо. Третьего марта 1943 года разведчицу арестовали.

Позже нам стало известно, что первые два дня гестаповцы допрашивали Лилию Павловну сдержанно, внешне корректно, старались уговорить ее выдать свои связи с партизанами. Для психологического воздействия даже разрешили свидание с сестрой Евфросиньей Павловной. Но Лиля молчала, и это взбесило гитлеровцев. Лилю пытали долго и изощренно, но отважная разведчица вынесла все пытки и ни словом не обмолвилась ни о партизанах, ни о капитане Мюллере. А он уже ничего не мог сделать для ее спасения. Восьмого марта 1943 года, когда Лилю вели на очередной допрос в гестапо, она неожиданно для конвоиров бросилась в прорубь. Западная Двина унесла с собой тайну разведчицы «неуловимых» Лили Костецкой.

А что сталось с гауптманом Карлом Мюллером? Связь с ним оборвалась. Мюллер вместе с немецкими учреждениями эвакуировался. Жив ли он? Удалось ли ему избежать кровавых рук гестапо? Если он подаст о себе весть, мы от всей души скажем ему большое русское спасибо.

Мы никогда не забудем зверств фашистов на нашей земле. Но не забудем и тех немцев, которые, рискуя жизнью, помогли нам в трудной борьбе.

ВО ИМЯ ИСТИНЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ
За круглым столом «Недели» следователи КГБ

Прежде всего, они совсем не похожи на тех всезнающих и всевидящих Шерлок Холмсов, какими их изображают порой в детективных романах. Гости нашего круглого стола — следователи Комитета государственной безопасности — самые обыкновенные люди. Да, они хорошо знают свою работу. Вместе с тем они несут общественные нагрузки, ходят на экскурсии, выпускают стенгазету, занимаются спортом.

Одни из них, например Иван Тихонович Иванов, любят рыбалку. Николай Федорович Жуков — литературовед, Александр Иванович Фокин — волейболист. Александр

Васильевич Загвоздин увлекается шахматами, а в футбол играет не только летом, но и зимой. Живопись — увлечение Владилена Валентиновича Лебедева. Впрочем, как-то он написал сценарий для служебного фильма. И кинодраматурги, которые читали текст, сказали, что сценарий вполне хорош. Михаил Михайлович Сыщиков — заместитель секретаря парторганизации — плотный, немного усталый человек. Внешне он похож на солидного инженера. Забегая вперед, скажем, что недавно этот человек распутал сложное дело, связанное с крупными хищениями государственного имущества. За это время он так детально изучил технологию и экономику трикотажных предприятий, что ему впору инструктировать инженеров-трикотажников.

Возглавлял группу следователей в тот день, когда они посетили нас, Николай Федорович Чистяков — генерал-майор юстиции.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДА

Гости рассаживаются за традиционным круглым столом, кто-то шутит:

— Сейчас журналисты учинят нам допрос.

— В самом деле, — замечает Николай Федорович Чистяков, — сегодня мы в необычном положении: как правило, спрашивает следователь, а ему отвечают. Ну, а сегодня спрашивайте, пожалуйста, что вас интересует.

— Чем занимаются сейчас следователи КГБ?

— На такой вопрос в двух словах не ответишь. Нам поручено вести борьбу с агентами империалистических разведок, с лицами, которые совершают особо опасные государственные преступления, такие, как измена Родине, диверсии, вредительство, а также нарушение правил о валютных операциях, контрабанда, разглашение государственной тайны.

Однако далеко не все дела, которые я только что перечислил, имеются в производстве. Дел о вредительстве не было, пожалуй, с начала тридцатых годов. Приходится иногда вести дела изменников Родины, бывших карателей, вместе с фашистами убивавших советских граждан в годы Великой Отечественной войны.

Есть в производстве дела о нарушителях правил валютных операций. Предстоит еще большая работа, чтобы окончательно выкорчевать этих преступников. Надо сказать, что спекуляция валютным ценностями часто связана с другим опасным видом преступления — хищением государственной собственности.

Расхитители государственных средств прибегают к услугам валютчиков, чтобы обратить крупные суммы в золото, бриллианты, валюту.

Есть еще одна сторона нашей деятельности, о которой я хотел бы упомянуть: восстановление доброго имени людей, опороченных в период культа личности. Это очень большая, политически важная работа, которой продолжают заниматься и сегодня наши следственные аппараты и органы прокуратуры.

Вся наша деятельность протекает при строгом соблюдении советской законности. В комитете за последние годы нет ни одного случая нарушения законности, ни одного случая необоснованного задержания или привлечения невиновных людей к уголовной ответственности. Скажу проще: у нас в полной мере возрождены прекрасные традиции Дзержинского, в частности такие, как тесная связь с народом и гласность.

Обратите внимание на открытые судебные процессы, проведенные в последнее время. Тут и дело шпиона Пауэрса, и дело Зонтага и Науманна — туристов, завербованных американской разведкой, дело шпиона Пеньковского и открытые судебные процессы по делам изменников Родины военных лет, процессы по делам валютчиков. Все они широко освещались в печати.

Наши следователи — честные, принципиальные, партийные люди, преданные своему народу, высоким принципам коммунизма. Как вы, вероятно, знаете, аппарат КГБ в значительной степени обновлен. В него влилось много молодых партийных и комсомольских работников. Тех, кто во времена культа личности участвовал в репрессиях против ни в чем не повинных советских людей, в КГБ сейчас нет.

— Ничего похожего на то, что было во времена культа личности, в органах государственной безопасности сейчас нет и быть не может, — вступает в разговор Иван Тихонович Иванов, — и вот вам один факт. Вернее, маленькая история.

НАКАЗАНИЯ НЕ БУДЕТ

Год назад в одном из наших зарубежных представительств работал молодой сотрудник К. Человек не без способностей, трудолюбивый, исполнительный, но избалованный, большой любитель выпить. Вот за этот-то «коготок» и ухватилась одна из иностранных разведок. Разведчики наблюдали за ним, а как только представился случай, скомпрометировали. Они ведь идут на любую провокацию и подлость. Наметив жертву, они могут

подойти к человеку, показать ему пачку денег, сфотографировать эту сценку и потом бесцеремонно заявить: «Давай подписку, что ты будешь нашим агентом, иначе мы отошлем куда следует снимок, где ясно видно, как ты берешь у нас деньги. Знаешь, чем это кончается…»

К сожалению, К. жил еще старыми представлениями о КГБ, не знал, «чем это кончается» на самом деле, и в результате шантажа согласился сотрудничать с иностранной разведкой.

Но это был наш советский человек, хотя и попавшийся на грязную уловку. Несколько бессонных ночей, что провел К. наедине с собой, привели его к мысли: нужно все рассказать. Рассказать, несмотря ни на что.

Его никто не наказал. И сегодня работает он по специальности. Родина поддержала его, не дала стать предателем.

Феликс Дзержинский часто напоминал чекистам: не ограничивайтесь разоблачением врага, выясняйте, что за человек, почему попал в шпионские сети, как стал предателем. И вот когда мы стали анализировать дела некоторых шпионов, то пришли к выводу, что в закон, карающий за измену Родине, нужно внести изменения. Ведь не секрет, что вокруг наших людей, находящихся за границей, империалистические разведки плетут целую сеть; все идет в ход — интриги, шантаж, провокации, запугивание репрессиями по возвращении на родину. Нужно было разорвать эту сеть, чтобы, даже попав в нее, советский человек окончательно не запутался.

Именно поэтому чекисты явились инициаторами предложения ввести новый закон, освобождающий от наказания людей, которые приходят и честно рассказывают о том, что попали в шпионскую сеть.

Такой закон принят. Этим мы закрыли лазейку для империалистических разведок, поставили их в трудное положение.

Как вы видели на примере с К., в сражении за человека победила советская разведка.

ФОКУСЫ ШПИОНСКОГО ЦИРКА

— Не могли бы вы сказать, чем больше всего интересуется сейчас иностранная разведка? — спросили мы у Николая Федоровича Жукова.

— Надо заметить, что интересы империалистических разведок, методы и основные каналы, по которым они ведут

сегодня работу, значительно изменились, — отвечает он. — Скажем, лет двадцать-тридцать назад они ставили перед собой задачу расколоть наше общество, наш многонациональный союз, подорвать единство советского строя. Но жизнь убедила их в бесплодности подобных попыток. Сегодня капиталистическую разведку интересует другое: наши новейшие достижения в области науки, техники, обороны. В первую очередь, разумеется, советские ракеты. Однако иностранные разведки продолжают охотиться и за другими сведениями экономического и политического характера.

Любопытно, что, вербуя агентов для подрывной работы в СССР, они в основном опираются на силу денег. По своей природе все капиталистические разведки полагают, что за деньги можно купить все. Для них деньги — самое главное в жизни. Когда это касается их соотечественников, они, возможно, и не очень ошибаются. Но иное дело — советские люди. Как правило, за редчайшим исключением, вербовщики наталкиваются на решительный отпор.

Методы ведения разведывательной работы постоянно совершенствуются. Все больше применяются новейшие достижения радиоэлектроники, оптики, химии. Все, что можно взять в науке и технике и использовать для шпионажа, идет в дело. Даже космос используется для шпионажа.

Каждый год американское правительство тратит сто миллионов долларов на подрывную деятельность против стран социалистического лагеря. Если хотите, мы покажем вам, куда идут эти деньги…

Наш гость достал желтый кожаный портфель и открыл замок. С этого момента круглый стол стал напоминать столик иллюзиониста, за которым орудовал Иван Тихонович Иванов. Он показал нам металлическую коробочку для спичек и спросил:

— Что это, по-вашему?

— Спичечный коробок, — ответили ему.

Иванов сделал вид, что прикурил, и мы оказались сфотографированными. Внутри коробочки был фотоаппарат.

Затем на стол легла ярко раскрашенная катушка с капроновой леской. Сердца любителей рыбной ловли дрогнули: это была превосходная катушка для спиннинга.

— Попробуйте ее открыть, — предложили одному из нас.

Это оказалось нелегко: только узнав секрет, мы открыли катушку. Внутри нее был тайник, где прятались шпионские кодовые таблицы. Американская разведка выдала «спиннинг» одному завербованному инженеру, который слыл среди своих знакомых азартным рыболовом.

Иван Тихонович извлек из портфеля блокнот с чистыми страницами.

— Исписан от начала до конца, — сообщил он. — На каждой странице — шпионские сведения. Причем очень важные. Запись производилась особым методом, при котором на бумаге не остается никаких следов.

После этого мы уже не удивлялись ни самопишущей ручке, которая неожиданно обернулась газовым пистолетом, ни охотничьему ножу, в рукояти которого хранились шпионские шифры, ни пистолету бесшумного боя, выстрел из которого напоминает звук упавшего карандаша, не громче.

Удивляли нас люди, сидевшие рядом. Это они противопоставили свою волю, проницательность, смекалку, мужество, свое чекистское искусство самой современной технике главной капиталистической державы. Технике, помноженной на змеиную хитрость и коварство заправил американской разведки.

И не только противопоставили, но и победили.

КТО ОНИ, ШПИОНЫ!

В самом деле, кто они — те, кто соглашается стать шпионом? Прежде капиталистические разведки вербовали агентов из представителей враждебных Советской власти классов. На кого они делают ставку в наши дни?

— Опыт показывает, — отвечает Н. Ф. Жуков, — что сейчас американская разведка ориентируется в основном на людей, которые в годы войны скомпрометировали себя сотрудничеством с фашистами и бежали на Запад. Они широко пользуются также услугами всевозможных буржуазных националистов — украинских, прибалтийских, белорусских и других. Это, пожалуй, единственная прослойка среди эмиграции, которая сравнительно легко идет на службу к иностранным разведкам.

Конечно, вербовать шпионов среди советских людей им гораздо труднее. В их лапы могут попасть только те, кто внутренне уже перестал быть советским человеком.

— Если хотите, — вступает в беседу Александр Васильевич Загвоздин, — я могу заочно познакомить вас с одним из таких типов.

Мне пришлось вести следствие по делу двух шпионов — автотуристов из ФРГ Зоннтага и Науманна.

На следствии Зоннтаг рассказывал, что, с кем бы они ни встречались в Советском Союзе, все были настроены патриотически. Исключение составил лишь один гражданин,

отрекомендовавшийся Вальтером, с которым «шпионы на колесах», проехавшие не одну тысячу километров его нашей стране, познакомились в Ялте.

Кто же этот Вальтер?

БЕЗ ДВУХ МИНУТ ШПИОН

Валерий Балакирев, Вальтер Штрюббе, Геннадий Штанев. Все эти имена, не считая клички Фармазон, принадлежали одному прохвосту.

1958 год. Осужденный за хулиганство, В. Балакирев отбывает срок в исправительно-трудовой колонии, где учится у более опытных преступников подделывать документы.

Июль 1960 года. В районе советско-финской границы наши пограничники задержали двух парней и девицу. Один из парней — Балакирев.

Июль 1961 года. Тунеядца Балакирева судит общественный суд и приговаривает к высылке на пять лет в отдаленные места.

После исправительной колонии хулигану была предоставлена возможность приобрести специальность. Из технического училища он был направлен на Кировский завод в Ленинграде. Но что значат для убежденного бездельника святые традиции рабочего коллектива? Неделями он не выходил на работу и был уволен за прогулы. Фармазон — под такой кличкой он был известен среди спекулянтов иностранными тряпками — вынашивал другие планы. Балакирев снова пытается тайком пересечь границу: едет в Ригу и через свою приятельницу Елену Штаневу пытается договориться с капитаном арабского судна «Аль-Мокатан» немцем Фредом из ФРГ, чтобы тот нелегально вывез его в трюме за рубеж.

Капитан Фред, настроенный крайне антисоветски, покачал головой: «В команде арабы. Они немедленно выдадут тебя властям».

Совершив в Риге несколько денежных афер, Балакирев вернулся на невские берега, но общественный суд удалил его из города.

Пройдохе удается бежать из ссылки в Лисичанск, где его ждала Елена Штанева.

Несколько дней ушло на подделку документов. На паспорт брата сообщницы Геннадия Штанева Фармазон налепил свою фотокарточку и подделал печать. Преступники едут в Ялту, где Балакирев и встретился с Зонтагом и Науманном.

Так, проехав от Балтики до Черного моря, шпионы нашли

единственного человека, с которым им удалось установить нужный контакт.

Вряд ли следовало бы вспоминать грязный путь преступника, если бы он не служил наглядной иллюстрацией того, к чему могут привести безделье, спекуляция, погоня за иностранным тряпьем. Все это подготовило Балакирева к попытке изменить Родине.

Надо полагать, что этот пример поможет дружинникам повнимательнее присмотреться к вымирающим, но еще существующим тунеядским элементам.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОБСЕК

— Мне хотелось бы коснуться, — говорит Александр Иванович Фокин, — еще одной группы преступлений, которая наносит ущерб нашей экономике. Речь пойдет о валютчиках.

Нами был арестован сорокалетний мужчина. Работал он бригадиром, получал 100 рублей в месяц. Арестовали его за спекуляцию валютными ценностями. И вот в ходе следствия выяснилось, что у «скромного труженика» имеются несколько сотен тысяч рублей в новых деньгах, килограммы золота, много ювелирных изделий с бриллиантами, которые также оцениваются сотнями тысяч рублей.

Кроме того, этот человек владел огромной дачной усадьбой с несколькими постройками да еще большим домом, где смогли бы отдохнуть 250 ребятишек. Всего у преступника изъято ценностей на один миллион рублей.

Фокин достает чемодан и вынимает из него старую кухонную кастрюлю, обмотанную проволокой.

— Так современные гобсеки хранят свои сокровища.

Крышка кастрюли открыта, и оттуда вываливаются на стол золотые браслеты, кольца, корпуса часов, старинные монеты, портсигары, медали, слитки.

— Десять килограммов золота, — спокойно замечает Фокин. — Оно было спрятано в глубокой траншее. Как видите, следователю иногда приходится становиться землекопом.

ПРОЦЕСС О 3-х МИЛЛИОНАХ

Как-то в прессе появилось сообщение о разоблачении крупной шайки матерых ворюг, орудовавших в Киргизии. Из похищенного сырья преступники производили трикотаж и

сбывали его через свою «торговую сеть». Следствием по делу расхитителей, ворочавших миллионами, руководил М. М. Сыщиков. Потребовался напряженный труд целого коллектива следователей, чтобы распутать клубок преступлений и вывести на чистую воду группу опытных расхитителей.

Об особенностях этого дела и рассказал за круглым столом Михаил Михайлович.

— Следует сказать об особой общественной опасности такого вида преступлений. Прежде всего, они совершаются в соучастии. Целая группа преступников объединяет усилия, распределяет между собой обязанности, чтобы нанести больший ущерб и легче скрыть следы.

Так было в городе Фрунзе. В крупную шайку расхитителей входили мастера, начальники цехов, директор и главный инженер фабрики и т. д. Чтобы создать себе надежную «крышу», преступники вовлекли в свой круг работников планирующих и финансовых органов. Шайка безнаказанно расхищала государственное имущество в течение многих лет.

Предварительным следствием и в результате судебного разбирательства установлено, что средств и ценностей похищено на сумму более 3-х миллионов рублей.

У преступников изъято свыше четырехсот тысяч рублей деньгами, двадцать четыре килограмма золота, разыскано в различных тайниках большое количество бриллиантов, жемчуга и других ценностей. Конфисковано 47 комфортабельных особняков по 5–8 комнат, 17 автомобилей. Надо сказать, что в розыске ценностей нам очень помогли советские граждане. Не раз случалось, что арестован преступник во Фрунзе, а его тайники находились в Нижнем Тагиле, Одессе, Кишиневе.

Мы провели ряд производственных экспериментов. Чтобы представить, какими методами действовали расхитители народного добра, нам приходилось изготовлять те же изделия. И здесь добровольные помощники намного облегчили нашу работу. Они тщательно следили за каждой операцией, за тем, чтобы люди, заинтересованные в том, чтобы сбить нас с толку, не похитили сырье или, наоборот, не прибавили его.

Общественность помогла раскрыть это сложное преступление.

По делу был организован открытый судебный процесс, и народ увидел во всем отвратительном обличье хапуг и жуликов. Приговор выездной сессии Верховного Суда СССР был встречен трудящимися с огромным одобрением.

Так закончилось дело о крупном хищении.

БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕКА

— Мы — как врачи, — говорит Владилен Валентинович Лебедев, — для нас важны и лечение, и профилактика. А преступник для нас прежде всего — человек, а затем уже преступник. Я хочу остановиться на случае из моей практики.

Несколько лет назад один молодой человек попал в поле зрения органов государственной безопасности. Стало известно, что он пишет и распространяет стихи, явно враждебные социалистическому строю. Казалось — состав преступления налицо. Но в первую очередь хотели выяснить, что сбило этого студента, воспитанного в советской семье, советской школе. Ведь не все можно объяснить пережитками проклятого прошлого.

Выяснилось, что в известной степени на впечатлительного парня влияли ошибки периода культа личности и различные обывательские разговоры и слухи. Есть еще такие людишки, которые подзуживают, кружатся как назойливые мухи, вокруг человека и твердят, что он «непонятый талант, борец за правду» и т. п.

Как сделать из этого парня настоящего советского человека, не дать возможности идти по гибельному пути? Ведь он еще только начинает жить.

По формальным основаниям, этого человека можно было судить. Но мы смотрели дальше. Что больше повлияет на него: пребывание в тюрьме или освобождение от уголовной ответственности и доверие народа?

Судьбу человека решали коллективно. Обсуждали различные пути его исправления. Было принято, как показала жизнь, наиболее правильное решение. Он был освобожден. Ему сказали: наш тебе совет — иди на производство, поработай сначала как следует, поварись в рабочем котле.